

СМЕНА

8

1952

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

РАСУЛ ГАМЗАТОВ

ПОЭТ

Вспоминется ранняя весна 1947 года. Небольшой, уютный зал московского Дома пионеров был заполнен необычной аудиторией. Юные хозяева Дома на несколько дней уступили его участникам первого Всесоюзного совещания молодых писателей.

Вечер одного стихотворения... Один за другим поднимаются на трибуну молодые поэты. И вот слегка расквашенной походкой, словно собираясь по горной тропинке, поднимается на сцену плотный, коренастый делегат Дагестана, двадцатитрёхлетний аварец Расул Гамзатов.

Весело оглядев зал, он начал читать. Ритм его стихов — то энергичный, стремительный, задорный, то плавный, задушевный — заставил сидящих в зале внимательно вслушаться в яркую музыку незнакомого языка.

Рассказывать о жизни Расула Гамзатова — значит рассказывать о типичной судьбе молодого человека нашей страны. Судьба юноши накрепко сливается с судьбой его счастливого поколения, рождённого в советском Дагестане.

Будущий поэт с малых лет слышит и впитывает в себя мудрые легенды о славном прошлом Гуниба, Чоха, Хунзаха, о делах всёлого легендарного героя Дингир-Дангарчу. Но, вступая в жизнь, оглядываясь вокруг, юноша Гамзатов видит нынешний

день более прекрасным и удивительным, чем все сказки.

Сын народного поэта Дагестана Гамзата Цадаса, Расул Гамзатов избирет себе отцовскую дорогу — неутомимое служение народу своим творчеством:

С открытым сердцем день встречал я каждый,
Всё начал влезно мои глаза.
И начал сам стихи писать одлажды
И —
средний сын Гамзата Цадаса.

Попав в Москву было завешной мечтой молодого поэта. Из далёкого Дагестана, с берегов Каспия, виделись ему рубиновые кремлёвские звёзды. Расул Гамзатов получает направление на учёбу в Литературный институт имени А. М. Горького.

Сразу же, с вокзала, пришёл он на Красную площадь, к Кремлю. Чувства, охватившие его, были настолько сильными, что тотчас же вылились в стихотворные строки:

Мой бешмет измят. —
С вокзала прямо;
Молча, с непокрытой головой,
Как у нас стоит перед мудрым самым.
И сейчас стою перед тобой...

Потом началась учёба. Каждый день, проходя по Таверскому бульвару, Расул любовался памятником Пушкина. Пушкин, которого он знал ещё в детстве по рассказам отца, теперь был рядом, близко, как друг. Вдохновенно берётся молодой аварец за переводы великого поэта на родной аварский язык.

Первую свою книгу, вышедшую в Москве на русском языке, Гамзатов называет «Песни гор». За ней следуют сбор-

ники: «Родной простор» (Махач-Кала, 1950), «Песня о самом дорогом» (Детгиз, 1950) и другие.

В 1950 году Расул успешно защищает диплом в Литературном институте и заканчивает работу над поэмой «Год моего рождения». В ней молодой поэт рассказал о важнейшей поворотной вехе в истории Дагестана — о приезде товарища Сталина в Темир-Хан-Шуру (ныне Буйнакск) в 1920 году на съезд народов Дагестана, где была провозглашена декларация о советской автономии Дагестана.

Проходившие в Москве вечера дагестанской поэзии и искусства были ярким доказательством успехов дагестанского народа. В эти дни за заслуги в области литературы Расул Гамзатов был награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Окончив институт, Расул Гамзатов побывал на Урале, в Сибири, в Ленинграде. Обогащённый впечатлениями, он смог по-новому осмыслить многие явления, происходившие в жизни его республики. Это помогло ему создать новый значительный цикл стихов о свои земляках.

Депутат местного Совета, председатель Союза советских писателей Дагестана, Расул Гамзатов всёцело отдал себя служению родному народу. Пять лет прошло с тех пор, как Расул Гамзатов читал свои стихи участникам первого Всесоюзного совещания молодых писателей. Это пятилетие завершилось большой творческой победой молодого поэта: за сборник стихов и поэм «Год моего рождения» ему присуждена Сталинская премия.

В. ОРДЖОНИКИДЗЕ

В Московском институте механизации и электрификации сельского хозяйства имени В. И. Молотова, И. С. и И. К.: аспирант И. С. Кулагин проводит практическое занятие с группой студентов.
Фото А. Моклецова

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Апрель, № 8. 1952 год.

Год
издания
29-й

Ленин

Я родился в тридцатых в Советской стране,
и в жизни не мог я Ленина встретить.
Когда он задумывался обо мне,
меня ещё не было на свете...
В мой сегодня взглянул он уверенно
сквозь битвы годов и событий вихрь.
Я знаю: лежит в биографии Ленина
начало моей и многих других.
Я помню, как в грозные годы бед
клялся его именем наши солдаты.
Даты одержанных ими побед —
это его биографии даты!
Нам дороги, как святыни,
о нём сведений самые малые крохи...
Был день его рождения днём
рождения новой эпохи!

Я вижу: под щёлканье птичье и свист,
камешки в Волгу сбрасывая,
весенним Сибирским идёт гимназист
с раскрытой книгой Некрасова.
Он книгу читает, и пусть
в нём ещё не осозана сила,—
окрепнет она и поможет потом
выстоять в холоде ссылок.
Пусть впереди препятствуй не честь —
идти ей твёрдо, не падай!
Она заявит решительно: «Есть
такая партия!»
Она пропльвёт над землёй
сквозь века

знаменем, в небо вреянным,
и на Финляндском с броневика
руку вскинет над временем!
...Я Ленина в жизни встретить не мог,—
со дня его смерти прошло немало...
Моя мать в последнюю из дорог
Ильича пионеркой ещё
провожала...
Но в час любой любого дня
жизнь моя, как экзамен.
Я знаю: Ленин глядит на меня
сталинскими глазами!
Повсюду он с нами в трудный час,
он в нас, как верность Отчизне.
Его биография стала для нас
Великим учебником жизни!

Евгений ЕВТУШЕНКО

В РОДНОМ ГОРОДЕ ИЛЬИЧА

Ульяновск стоит на высоком берегу Волги. Он сравнительно новелки, но красив, этот город, в котором родился и провёл своё детство Владимир Ильич Ленин — гений революционных бурь, исподлин мысли, создатель большевистской партии и первого в мире социалистического государства.

Юность Ленина! Здесь, над необъятными волжескими просторами, зародились первые думы молодого вождя о великом будущем своего народа.

Отсюда, с крутого, высокого берега, видел Ленин всю Россию, стоящую под ярмом царизма, видел путь её освобождения. Здесь поклялся он служить народу до последнего удара сердца...

Всё в городе напоминает о великом Ленине: дом, где он родился, где жила, и улицы, по которым он ходил, гимназия, где он учился... Именем его названы и Дворец книги и лучшая площадь...

На этой площади, недалеко от волжского откоса, высятся памятники. Бронзовая фигура Ленина стоит на высоком постаменте. Он словно идёт и приостановился на мгновение. Пальто его, накинутое на плечи, развевается на ветру. Глаза зорко смотрят вдаль.

Ленин любил свой город. В дни его болезни, когда советские войска, успешно развывая наступление на Восточном фронте, в сентябре 1918 года освободили Сибирь от белогвардейских банд, Владимир Ильич писал:

«Взятие Сибирска — моего родного города есть самая драгоценная, самая лучшая новостька на мой ран». »

Наша страна — родина ленинизма, в этом гордостью советских людей. Ульяновск — родина Ленина, этим горды мы, ульяновцы, называвшие свой город родным. Но и многие тысячи советских людей, посетившие город, ленинские места, уносят отсюда чувство любви к этой народной святыне, колыбели великого вождя.

Вот они, ленинские места! Небольшой дружелюбный дом по улице Ульянова (бывшая Стрелецкая), на нём мемориальная доска: «Здесь родился Владимир

Василий ДЕДЮХИН

Фото А. Вычнова

Памятник Владимиру Ильичу Ленину в Ульяновске.

Ильич Ульянов-Ленин в 1870 году 22 апреля».

Сейчас в этом доме звучат детские голоса — здесь детский дом.

Семья Ульяновых некогда жила на Стрелецкой.

По улице Ленина (бывшая Московская), 58, стоит небольшой дом. На стене его белая мраморная барельеф Ленина и золо-

тые буквы: «Здесь жила Владимир Ильич Ульянов-Ленин в 1870—1877 годах».

Только на Красной площади в Москве, у гранитного ленинского Мавзолея, можно ощутить такое же неизъяснимое волнение, какое охватывает всякого, кто приближается к этому скромному по виду, но дорогому для нас зданию. Здесь прошло детство и юность Владимира Ильича. С детства ежедневно приходят сотни людей. С трепетом в груди, извольновано открывают они бесшумную дверь, минуя светлую застеклённую галерею и попадают в маленькую переднюю. Медленно идут посетители по комнатам дома. Он кажется жилищем, он наполнен уютом, теплом. Кажется, что его хозяева только вышли куда-то и вот-вот вернуться. На ролях в гостиной оставлены раскрытый сборник детских музыкальных пьес...

В кабинете Ильи Николаевича Ульянова на письменном столе беззастенчиво лежат: отчёты по народному образованию, бумаги, связанные с его деятельностью как инспектора народных училищ. На маленьком боковом столике лежат журналы и газеты: «Современник», «Отечественные записки», «Русская мысль».

Простое жёсткое кресло отодвинуто от стола, как будто Илья Николаевич только что кончил работу и вышел подышать свежим воздухом.

В комнате Марии Александровны стоит железная кровать, на комодке зеркало, на столике и кровати лежат книги: Гёте — на немецком, Шекспир — на английском, «Французская революция» на французском языке.

Любимым местом, где собиралась вся большая семья Ульяновых, была столовая. Здесь всё так же, как было тогда: простые chairs на окнах, в кадрах простужие деревья, раскрытая шахматная доска, незаконченное рукоделие на рабочем столике Марии Александровны.

Посетивший Дом-музей в 1942 году Дмитрий Ильич Ульянов оставил трогательный записочку:

«Как будто открыто очень старое, давнишнее. Пахнуло давно забытым, но в то

же время бесконечно близким, дорогим. Во всём видится, слышится, чувствуется мать, отец и он — Володя, смуглый мальчиш-ка, неизменно жизнерадостный, весёлый, абсолютно справедливый и безупречный во всём, затем более взрослый юноша, непременно инстинктивный. Бесконечно малые и дорогие образы. Слёзы подступают к старым глазам, но на душе такжиросто и уютно, что не хочется уходить из обстановки этого домика».

С особым чувством поднимается посетитель на антресоли, где один из четырёх комнат — комната Владимира Ильича. Кровать, два венских стула, стол, на котором под стеклом гимназический аттестат, книги, полученные гимназистом Владимиром Ульяновым за отличную учёбу, список с его золотой медали — такова обстановка этой комнаты. На стенах — плакаты; на них книги Пушкина, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Гоголя, Добролюбова и других великих художников слова и публицистов.

Рядом — комната Александра, старшего брата Владимира Ильича. Среди его книг «Капитал» Карла Маркса, произведения великих русских демократов, книги Д. Менделеева, Ч. Дарвина, учебники по географии, физиологии... Большая, искренняя дружба связывала братьев. Владимир благоволил перед братом, старался во всём походить на него. Но острый духовный взор Владимира Ульянова уже тогда видел роковую ошибку брата. Мудро и мужественно прозвучали здесь, в этих стенах, слова юного Ленина, когда было получено известие о казни Александра:

«Нет, мы пойдём не таким путём, не таким путём надо идти».

Посетив Дом-музей, посетители записывают свои впечатления в книгу отзывов. Трогательны и волнующи эти записи. Они заполнили 13 книг со многими сотнями страниц.

«Дело за которое боролся Владимир Ильич, восторжествовало. Наша Родина семимильными шагами идёт к своему светлому будущему — коммунизму. Мы, советские воины, не пожалеем сил и самой жизни, чтобы отстоять великое дело Ленина», — так пишут старшина Королев и сержант Павлов.

«Приехав в Ульяновск, мы первым делом

Дом-музей В. И. Ленина с улицы. В этом доме Владимир Ильич жил с 1878 по 1887 год. На серии рисунков художника И. Соколова «Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске». Всесоюзная художественная выставка 1971 года.

гом посетили Дом-музей В. И. Ленина. Жизнь Владимира Ильича была и будет для нас примером во всём. Посещение музея вдохновляет нас на новые трудовые подвиги», — записали в книгу инженеры Т. А. Фролова и А. С. Баранова.

Многие записи в книгах отзывов начинаются словами: «Сбылась моя заветная мечта — я посетила дом, где жил Ленин...». «Я счастлив...» — начинает другой. «Это мой самый радостный день...» — отмечает третий.

Полтора миллиона людей посетили Дом-музей со дня его основания (1929 год). Среди этих людей многие приезжали из са-

мых отдалённых окраин страны. Много друзей из зарубежных стран также оставило свои записи.

Тихий дом под старыми тенистыми деревьями — подлинно священная реликвия нашего народа-созидателя. Пройдут века. Величественные здания коммунизма воздвигнутся на земле Ульяновска, а этот домик на улице Ленина останется таким, каким мы видим его сейчас.

Из дома Ленина через дворик можно пройти в Ульяновский филиал Центрального музея В. И. Ленина.

«Помните, любите, изучайте Ильича, нашего учителя, нашего вождя» — этими сло-

Ульяновские школьники — частые посетители Дома-музея В. И. Ленина. На снимке: группа пионеров в столовой Ульяновска.

Дворец книги. Сюда ежедневно приходит сотни юных читателей.

вами Иосифа Виссарионовича Сталина встречает филиал музея посетителя. Вы проходите из зала в зал, и перед вами предстает вся жизнь Владимира Ильича, страница за страницей раскрывается величественная история большевистской партии. Фотографии, документы рассказывают о содружестве двух самых великих людей на земле — Ленина и Сталина.

На Советской улице города стоит памятное белое двухэтажное здание. Сюда, в двери этого здания, по чугунным ступеням лестницы осенью 1879 года вошёл девятилетний Володя Ульянов — ученик первого класса Симбирской мужской гимназии. В течение девяти лет он учился здесь и переходил из класса в класс первым учеником. Отсюда 85 лет назад вышла в жизнь Владимир Ульянов с аттестатом зрелости в руках, окончив гимназию с золотой медалью.

Сейчас в этом здании первая мужская средняя школа. Здесь свято хранят память о Ленине. В классах, где он учился, висят мемориальные доски. Как высшей чести, добиваются ученики права заниматься в классе, где висит доска с надписью:

«Здесь учился Владимир Ильич Ульянов-Ленин в восьмом классе 1886—1887 года». В этом классе занимается сейчас лучший класс школы — десятый «А».

Школа получает много писем: пишут из Москвы, из Сибири, из солнечной Грузии и далекого Заполярья, пишут из других стран. Вот письмо из чехословацкого города Нивница. Школьники этого города пишут ульяновским ребятам:

«Вы живёте в городе, где родился великий Ленин. Вы учитесь в школе, где учил-

ся дорогой всем трудящимся человек. Вам выпало большое счастье».

А вот ещё одно письмо из Чехословакии: «Мы любим вашу страну и вашего гениального вождя товарища Сталина так, как любим свою Родину. Мы изучаем вашу родную и ваш язык, язык русского народа, язык Ленина и Сталина».

Почти рядом со школой областной драматический театр, где нередко бывал великий Ленин. С Нового Вена открывается чудесный вид на Волгу, на заволжские дали, на острова. На Венце стоит здание областной библиотеки имени В. И. Ленина, открытой в первую годовщину со дня его смерти. Дворном книги называют ульяновцы свою любимую библиотеку, расположенную в здании бывшего симбирского дворянского собрания. В прекрасном двухсветном беломраморном зале с хрустальными люстрами занимается сейчас студенты ульяновских институтов и техникумов, рабочие, служащие и научные работники города.

В годы Отечественной войны Ульяновск был преобразован в областной центр. Скоро он станет одним из лучших городов Поволжья. Уж совсем близко время, когда к крутым его берегам вплотную подступит Волга, поднятая грандиозной Куйбышевской плотиной. На сотни километров разольёт реки Свияги и на десятки вильяр разольётся Куйбышевское море. Ульяновск станет крупнейшим портом этого моря.

Великий Ленин мечтал об электрификации страны как необходимом условии строительства коммунизма. Гением Сталина, волей народа превращаются в жизнь ленинские мечты.

г. Ульяновск.

В этом доме родился великий Ленин.

Дмитрий СМИРНОВ

Я комсомолец

Я комсомолец особенных дней
И времени нового свойства,
Когда коммунизм осязателен, виден
С каждой победой становится.

Скромный значок на груди огнём
Неугасающим светится.
Вечно живая волнует в нём
Кровь комсомольского сердца.

Наперерез и ветрам и пескам
К руслам Узбоя и Волги
Вышла с уютом большинства
Комсомольцы и комсомолки.

А в океан пшеницы и ржи —
В солнечные просторы —
Вышли сотни могучих машин
Девушки-комбайнеры.

Вста молодой пограничник на пост:
— Сутьёшь из-за океан!
Сердцем присягу тебе произнёс —
Мир охранять неустанно.

С ними и в нерушимом строю,
Сомкнутом волей народов,
Я у проклятого стана стою,
У отневных переходов.

Григорий ИВАНОВ

В горняцком поселке

Когда прохожу по улицам новым,
как будто в итоге пятилеток
шумит за копрами азосеи
в разгаре доонецкого лета.
Шоссе ковром от посёлка

в Сталино, простёрлось
в Яснонауту... Просторно,
уютно в домах шахтёров,
жизнь расцветает богата.

Свежее утро гудки пробудили,
воздух черешнями пахнет.

Разгон набирает автомобилей —
шахтёры едут на шахту.
А вечер зовёт горняков на проспекты,

на стадионы, в читальни,
Видны далеко лучезарные спектры

посёлка в городе Сталино.
Когда прохожу по улицам новым,

как будто в итоге пятилеток
работать иду, вспоминая снова
и утро и вечер этот.

Ю. ФАЛАТОВ

ЗЕМЛЯ КУБАНСКАЯ

До тёплых весенних дней, кажется, ещё далеко. По утрам в лужах стывает лёд. В бригадных ставках пустынно. Только сеedorборные дады дель и нонь толст хворостом почва да изредка выхолит на ушцу посмолить на убранные под навес инвентарь, тракторы, селакы. Иногда к полудню из-за серых туч проглянет солнце, с востока по-танет сухой ветерок — и земля начинает подсыхать. Но, странно, в по-лах попережнему пустынно. Неужели кубанские хлеборобы перестали ценить время, забыли, что с первыми лучами южного солнца надо при-ступать к работе? Почему медлят, почему упускают лучшие сроки сева для ранних зерновых?

— Опять приходится объяснять, — говорит агроном колхоза «Маяк революции» Сергей Фёдорович Поляков.

— Что объяснять?

— Да о «Февральском окне». Недавно к нам приехали колхозные механизаторы Пензенской области. Спустили на нашу землю — воздуг свет. Видим — на лицах улыбаек боляк, говорят, к севу опоздали, а теперь посмотрим. Нет, отвечаем, опоздали, мы уже посеяли.

— Как посеяли?

— Очень просто, — улыбается агроном, — ранние зерновые посеяли. Сергей Фёдорович откидывается на спинку стула и начинает расска-зывать.

«ФЕВРАЛЬСКОЕ ОКНО»

В начале февраля выпали тёплые, обильные дожди. Южный ветер уполос на север дохматые тучи, и установились ясные, солнечные дни. Земля быстро подсохла, азакленели озимые, на деревьях набухли почки. Этого только и ждали колхозники с механизаторами. Примерно на мес-сяц до этого уже были отсортированы семена, отремонтированы тракторы, заготовлены удобрения. Но, по установившейся традиции, здесь перед выходом в поле устраиваются смотри готовности к весне.

В ставке Родниковской смотр проходил в феврале. На нём было представлено всё, что так тщательно готовилось в долгие зимние месяцы. Начался проверка. Трактористы проверяли посевников, посеящики — трактористов, шпорики — сенокосы, сенокосы — шпорики.

На этом смотре присутствовали гости из колхоза имени Сталина во главе с председателем Николаем Григорьевичем Табаковым. Родников-ские колхозники с ними соревнуются.

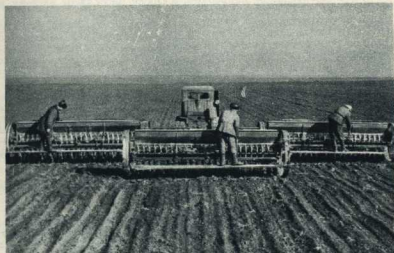
После смотра все машины, упряжки, люди двинулись в поля, и прямо с хода началась горячая работа. К вечеру агитаторы отметили успех Александра Олдарова, а также перемытоговшего норму на севе. За ним потнулись остальные. В четвёртой полеводческой бригаде го-товили почву под технические культуры, подкармливали озимую пше-ницу.

В обед к полевому стану на तकчике подехал бригадир соседней, пятой бригады Роман Васильевич Качев. Лицо хмурое, губанка на са-мые глаза надувута.

— Где козляк? — спросил он, призывая лошадей.

— В красном уголке.

Вскоре туда позвали комсомольского группора Евгения Бороду. Брига-дир четвёртой полеводческой бригады предложил ей поговорить с трактористами-комсомольцами, кто из них захочет поехать сеять в пятую бригаду: там дела наши плохо. Валентин Шляхов и Николай Шаповалов решили помочь товарищам. Сборы были недолги. Через час агрегат Шляхова уже сеял ячмень в пятой бригаде.

Сев яровых культур в колхозе имени Ленина, Курганского района. Ведёт агрегат тракторист Михайловской МТС Фёдор Субботин.

Фото Г. Ефимова

Комбайнер Василий Сумской (слева) и инженер машинно-тракторной станции Леонид Дмитриевич Матулайтсевич.

Фото Г. Борисова

Вечером, после смены, из полевого стана пропал тракторист Георгий Скороходов. Куда он ушёл, никто не знал. Позже выяснилось, что юноша побывал в шестой бригаде у Никиты Бухалова, распросил его, как приспособить туюковую сельку под удобрения. Над этим в четвёртой бригаде бились больше недели. Утром Георгий вернулся домой и по-мог переоборудовать сельку.

— Так мы на севе механизировали все работы. — Сергей Фёдорович усмехнулся. — Осталось только о кукурках подумать...

На улице метель. За окном котормы пушистые хлопья липкого снега.

Из тёплой комнаты не хочется выходить.

— Кончилось «Февральское окно», — Сергей Фёдорович повернул вы-ключатель, — да оно нам больше и не нужно. Сев мы закончили по всем законам агротехники: узкорядным и перекарстным способом. Кроме этого успели ещё переоборудовать три тысячи шестьсот пятьдесят гекта-ров зяби.

— Сколько?

— Вот так же удивлялись и пензенские механизаторы. А сверхесте-ственного здесь ничего нет. Вы про нашу технику забыли. Ведь теперь на артельных полях работает тридцать девять тракторов. С такой си-лой горы можно свергнуть! У нас полевые работы механизированы на все сто процентов.

КОМБАЙНЕРЫ ИЗУЧАЮТ СЕЯЛКИ

Кому верному пришла эта мысль, точно никто не знает. Только в Родниковской МТС подсчитали, что комбайнеры работают три — четыре месяца в году. А остальные восемь? Этот вопрос обсуждался на ком-сомольском собрании. Постановили: всем комсомольцам-комбайнерам овладеть профессией посеващика.

Добро покосовать, хлеборобы, стан готов! На снимке: полевой стан одной из полеводческих бригад колхоза имени Сталина.

Фото А. Гличева

В НАЧАЛЕ ВЕСНЫ

Рассказ

Вместе со старшим инженером Леонидом Дмитриевичем Матулайтином мы идём по просторному двору машинно-тракторной станции. Вокруг множество разных машин. Здесь стоят юркие, только что сошедшие с конвейера тракторы «С-7», садово-городные, прозванные в народе «малютками», добликают свежей краской шахматно-гнездовые сельканы.

В ворота въехала грузовая автомашинка. Её кузов покрыт зелёным брезентом. Из машины выпрыгнули трое рослых парней. Один из них подошёл к нам.

— Знакомьтесь,— сказал Матулайтис,— Сергей Гончаров, командир нашей летучей мастерской... А когда машины стоят, он механизмирует животноводческие помещения. Мы сейчас боремся за комплексную механизацию в колхозном производстве. Вот Сергей и является, как бы сказать, пионером в этой области.

Гончаров засмеялся, его щеки покрыл яркий румянец. Когда он приехал в Радиокую МТС из ремесленного училища, то в первый же день пришёл к секретарю комсомольской организации Василию Сумскому и потребовал самую ответственную работу.

— Ну, мы его и назначили начальником летучей мастерской,— говорит инженер,— а в помощь дали двух слесарей. Вот они теперь и ездят. На двух фермах уже установили автоматы и полевые дороги. Животноводы им спасибо говорят.

Идея комплексной механизации захватывала всех колхозников. Что раньше считалось невозможным, теперь делается в удивительно короткий срок. Вот, например, водонапорную башню на четвёртой ферме начали строить сразу же после войны. Но потом о ней забыли, не доведя дела до конца. В начале февраля о башне вспомнили на колхозном комсомольском собрании: фельдман её всё-таки построит! Вот здесь и сказала своей решительное слово Сергей Гончаров, который осматривал башню. Он помог колхозным комсомольцам составить расчёты, указал, как надо закладывать трубы. В разгаре работ выяснилось, что не хватает железа и кирпича. Как быть?

— Надо собрать металлолом,—предложила дворка Нина Динная,— и попросить кузнецов сделать из него скобы и железные прутья.

Так и поступил. Водонапорная башня была построена досрочно. Короны получили свежую, чистую воду.

— Раньше в колхозе никому и в голову не приходило привлечь комбайнеров к работе на севе. А сейчас смотрите! — Инженер показывал рукой на небольшую группу людей, низко склонившихся над шахматно-гнездовыми сельками.

Мы подошли к ним. Комбайнеры Василий Сумской, Степан Игнченко и Николай Дудко внимательно слушали объяснения механика.

— Оказывается, муравья машина,—обратился Дудко к Матулайтису.

— Не уступит комбайну? — спросил Леонид Дмитриевич.

— Куда там! — отозвался Василий Сумской.— Думаем, быстро освоим, а оказалось не тут-то было.

В том, что эти молодые, сильные юноши осваивают новую для них машину, овладеют профессией посева, сомнений быть не может. Устаивают погонье дня, полкосят земля, и они выйдут в поля севать кукурузу, подсолнечник, ячмень, клеверную и полевую в полку сельской рукой семена двух обычных урожаев.

РАЦИОНАЛИЗАТОРЫ

В то время как родинковские комбайнеры изучают шахматно-гнездовые сельканы, стремятся к тому, чтобы лучше посевать технические культуры, механизаторы Ново-Александровской МТС уже думают об уборке этих культур. Комбайнер Николай Черницкий переоборудует комбайны для колхозных клеверниц. До сих пор её убирали вручально. Это очень трудоёмкий процесс: требуется много людей, расходуется большое количество топлива, а главное, допускаются серьёзные потери.

Николай Черницкий, комсомолец, недавно принятый в кандидаты ЛКСМ, решил облегчить труд колхозников, приспособить комбайн для уборки клеверниц. Потанулись долгие бессонные ночи. Приходилось засиживаться за книгами, чертежами, часами провадять в мастерской. На помощь Николаю пришёл опытный механик Иван Бабаев. Он посоветовал, как переоборудовать режущий аппарат и подающий транспортер.

Прошло время, и теперь Николай ездит по хуторам, станциям и рассказывает механизаторам, как переоборудовать комбайн для уборки клеверниц. К его советам прислушиваются селькордные старики, опытные комбайнеры.

В этом году в Курганском районе уборка клеверниц будет полностью механизирована.

Рядом с Ново-Александровской МТС расположен колхоз имени Калинин. Здесь живёт и работает колхозник Михаил Дудко. Он сконструировал механическую сортировку. Эта машина одновременно производит очистку и очистку зерна, а также, при помощи сферического транспортера, грузит зерно в автомашину. Безлюдно стало на току. Сортировку Дудко обслуживают только два колхозника.

В колхоз имени Калинин потанулись хлеборобы, механизаторы, учёные. Всех интересовало устройство новой машины. Михаил Дудко охотно рассказывал обо всем. А ему есть о чём рассказывать: в прошлом году его сортировка очистила и погрузила в автомашину 21 605 центнеров зерна и сэкономила колхозу 6 440 трудодней.

— До уборки ещё далеко. Часто с северной стороны набегает туча, но утрам лёгкий морозец прихватывает землю. Но уже по тому, как сейчас трудятся колхозники, как они возделывают почву, можно угадать, что осень будет богатой: Колхозные амбары доверху наполнятся златотерным зерном. Об этом говорят первые весенние приметы.

Наташа будто читает, что у кого на сердце. Подошла ко мне, спросила:

— Что загрустил, Андрюша? Уж не влюбился ли?

Я молчу.

— Нет, скажи, скажи,— настаивает Наташа.— В кого? В Верочку? Это с ней вчера весь день у крыльца обтоптал?

— Наташа, перестань, пожалуйста!

— Подумаешь, уже надоели! Очень мне интересно знать... С тобой вообще едва сказать нельзя!

Рассердилась... Когда Наташа сердится, глаза у неё из голубых становятся синими. Но долго она ни на кого не может сердиться. Даже на Петю Сухова, который всегда старается как-нибудь поддёрнуть её, чего он не позволял бы себе, если бы разговаривал с Верочкой.

Странная эта Верочка! За ней ухаживает много парней, в кино её приглашают, в театр. Красивая она или нет, среди ребят существуют самые различные мнения. Одни говорят, что у Верочки глаза хорошие—карие, а вот волосы действительно красивые—густые, пышные, тёмно-рыжие. А девушки говорят, что мы ничего в женской красоте не смыслим и что самое главное—это то, что Верочка умеет держаться. Один Петя Сухов признаёт безоговорочно, что Верочка Стручкова—красавица; я это знаю, потому что мы с ним приятели.

Вот Наташа—та совсем иная. Она всегда с нами. И в общежитие к нам приходит запросто, и на каком едет с ребятами, и летом—за город. Она, пожалуй, тоже красивая, но ребята к ней так привыкли, что ни у кого и в мыслях, не появляется, чтобы за ней поухаживать...

...Вчера произошло вот что: я и Петя наматывали, как обычно, катушки для трансформатора, и чтобы дело шло быстрее, увеличили скорость закрутки барабана. Петя предлагал сделать это ещё месяца два назад. Тогда я не решился, сказал, что нужно разрешение мастера, и Петя больше не заводил разговора на эту тему, а я забыл. Петя, оказывается, все два месяца думал про скоростную нитку. Вчера утром показал мне листок бумаги, написанный пирами.

— Вот,—сказал,—посмотри. Я всё узнал и прочтешь металлической нити и число оборотов барабана. Наверняка получишь...

И стал меня убеждать: если яша затык выйдет, то выпуск продукции увеличатся; завод переплюнет план, а наш цех завоюет переходящее Красное знамя.

— Мы сперва один попробуем, а после расскажем мастеру и начальнику цеха,—сказал Петя.— Ну, по уркам?

Меня заинтересовало это предложение, и согласился. Первую катушку мы наматили на пять секунд быстрее, чем обычно, но дальше провод стал рваться, и несколько катушек пришлось перематывать. Эти катушки старший мастер велел записать нам как брак и пригрозил, что в следующий раз нам за подобное своеволие намалют голую.

В обещанный перерыв в столовой мы сели за крайний столик. Петя словно подменил: ссутулится, глаза злые, рыжие волосы торчат во все стороны. Петя длинный и худощавый, но кулаки у него железные; ребята его никогда не заирают. Едва нам принесли первое блюдо, подошёл к нашему столику Виктор Симагин, парень из нашего цеха, встал за мной стулом и сказал с издёвкой:

— Мы с Петей проломали, но у нас за спиной раздался девичий голос...

И вонсе не остроумно!

Я оглянулся и увидел за соседним столиком Верочку. Обидно, что она сама слыла, как нас «ремесленничкам» обзовала. Из всех ребят, закончивших ремесленное училище в прошлом году, мы одни с Петей до сих пор носим чёрные гимнастёрки и ремни с буквами «РУ» на прилягах. Костюмы себе мы давно справили, но к гимнастёркам и ремням мы так привыкли: в них как-то удобнее. Симагин гакинулся на Верочку:

Рисунок В. Лебедева

— Ты не застывайся, они нам выполнение обязательства срываю. Сама голосовала за то, чтобы работать без брака...

Верочка сощурила глаза, как это только она умеет делать, и что-то шепнула девушкам, сидевшим с ней за столом. Те прислуны со смехом, одна из них даже ложку в борщ уронила. Симагин обижено поджала губы и оставил нас в покое. Мы наскоро пообедали и вышли в коридор. Петя, чтобы показать, что вся эта история не так уж его трагит, остановился у сводной афиши театральных постановок.

Весь день Петя ни с кем-и со мной тоже — не разговаривал, а после работы завалился в обихитины на койку и часа два насчитывала сквозь зубы. Прибжегла Наташа, стала нас успокаивать:

— Ничего страшного нет, брак вам в конце месяца с личного счёта спишут. Ой, я бы вам сказала, только не имею права... Андрюша, дай слово, что не выдашь, я на ухо шепну...

Обхватив руками мою голову и зашнчала в ухом:

— Это дело в комсомольском комитете разбирали и знаешь, что сказали? Что пора разработать технологию скоростной мотки и что вы пример показали, только не с того конца начали... И ещё: почему ни с кем не посоветовались, втихомолку действовали. А вообще молодцы, ребята!

Петя вскочил с койки, Наташу за плечи повернул лицом к себе, крикнул:

— Врешь?! Дай честное комсомольское!

— А ты как усманила? — удивилась Наташа. — Дав комсомольское...

— Ну, мы ещё покажем, — повеселел Сухов. — Вас, конденсаторщиков, в два счёта зашибём. А то возгордились, что на доске почёта второй месяц...

— И будем! — вспыхнула Наташа. — Ты сперва хвосты подтяни, а то так и останешься бракоделом...

Утром на работе смелый инженер Мария Петровна долго стояла возле нашего с Петей рабочего места и как-то загадочно улыбалась. Мария Петровна высокая, полная, с яркими губами. Нас она зовёт мальчишками. У неё все «девочки» или «мальчишки». Когда инженер стоит за твоей спиной, обязательно начнёшь перничать. Петя покосился в сторону Марии Петровны, лоб рукой оботрёт и губы пошевелил — бранится про себя. А Мария Петровна смотрела, смотрела, а потом тронула меня за плечо и сказала:

— Завидно ко мне с Суховым в перерыв...

Кабинет инженера тут же, в цехе, — небольшая кабинка со стеклянными стенами. На столике чертежи, книги и телефон. Собралось я, Петя, Виктор Симагин, Верочка и ещё несколько человек.

— Вот что, товарищи, — сказала Мария Петровна. — В нашем цехе рождалась инициатива скоростной мотки трансформаторных катушек; вы это знаете. Пока у нас её ничего не получалось, да и не могло получиться. Сегодня вечером будет заседание техсовета, и я попрошу прийти Петра Сухова и Андрея Вертуш-

кина. А сейчас я должна сказать вам, что некоторые операции мы выполняем недостаточно чётко и, пока мы не доведём их до совершенства, нам за скоростную мотку принимать нельзя...

В белом халате Мария Петровна походит на доктора. Инженер она знающий, «стоковыня», как говорит мастер Семён Семёныч, надаром её избрали в партбюро. Верочка Стручкова на неё смотрит прямо-таки влюблёнными глазами. Инженер кивнула на мастера и сказала:

— Семён Семёныч укажет каждому в отдельности, какие у кого недостатки в работе. И не спорьте с ним, пожалуйста.

Тут Стручкова меня удивила. Семён Семёныч называет её «зажигалкой», потому что стоит сделать ей замечание, как она вспыхивает, а если язык во-время не прикусит, то может и грубостью ответить. Сколько раз она перед Семёном Семёнычем извинялась... А сейчас Верочка звала мастера за руку, просит:

— Про меня первую! Я чувствую, что у меня недостатков больше, чем у других...

Мы замесались, Мария Петровна улыбнулась, а Виктор Симагин нахмурился. Семён Семёныч серьёзно ответил:

— Верно, голубушка, у тебя, пожалуй, побольше...

И начал перечислять катушки в шпунты вставалась медленнее, барабан пускается рынком, нет внимательности... Столько наговорила, что Стручкова за голову схватилась. Я слушал и думаю: «А ведь и у нас с Петей такие же недостатки. Я тоже не могу прикрутить руку к плавному переводу рубильника. А Петя, если у него настроение весёлое, вертит головкой по сторонам, с двучками перенгинывается». Семён Семёныч, чтобы весь перерыв не занимать, отложил разговор на другое время, но мы заспорили.

— Я не могу работать быстрее, — сказала Муся Крапивникова. — У меня пальцы не приспособлены...

— Может, не пальцы, а голова? — съехидничал Петр. После того как инженер назвал нашу вчерашнюю историю «рождением инициативы», он стал веселее поприжиме. А тут ещё Виктор Симагин перед нами извинился:

— Вы же понимаете, что мне за брак обидно было...

Симагин недавно избрал комсомольским группиргом, и он очень беспокоится за исполнение плана.

— Так сказать, в свете указания Семёна Семёныча, я предлагаю сделать, — сказал Виктор. — Будем друг у друга перенять опыт. У Стручковой порядок нет на рабочем месте, а у Андрея Вертушкина рабочее место всегда, как стеклышко. Вот они и должны обменяться опытом. А у Сухова...

Верочка предвительно улыбнулась:

— Уж не знаю, чему я могу научиться у Вертушкина... И вообще я не желаю...

— Ну хорошо, — поспешно согласился Виктор. — Тогда у Сухова. А к Андрею мы прикроем Муся...

У Петра выражение лица было очень довольное. Открытено говоря, я тоже был доволен: Муся не капризная, ей можно замес-

чания делать. А таких, как Верочка, я терпеть не могу... А ещё лучше — работать вместе с Наташей. На неё только посмотришь — и сразу весело станет. Но она в конденсаторном цехе, а не у нас.

Наташа как-то спросила: — Почему ты хмуришься, когда я о Верочке говорю? Верочка — её подруга, и Наташа в разговоре часто о ней упоминает.

— Так... — ответила я неохотно. Наташа посмотрела на меня внимательно, сказала: — Я знаю, у тебя с ней что-то есть. Только имей в виду, что она дружит с Симагиным. И Петя вчера сидел у нас, пока его вахтёрша не выгнала...

— Ничего у меня с ней нет, — ответила я. — А чего же ты покраснела? — И не думал...

— Я вот скажу ей, что ты валялся... Уж, как я рассердился! Ну хотя бы действительно это было правдой, а то... И Наташе со злости кулак показал: «Только попробуй!» А Наташа твёрдит своё:

— Скажу, скажу, скажу... Ну как после этого, со Стручковой встречаться буду? На следующий день я с ней не поздоровался — принципиально. Если Наташа ей сказала, то пусть Верочка знает, что я соврала.

В этот день у нас было комсомольское групповое собрание. Верочка сидела рядом с Марией Петровной, которая пришла послушать. Виктор Симагин сделал доклад о результатах взаимопомощи. А инженер нам сказал:

— Вы теперь держитесь! Во всех цехах стали быстрее работать, развиваться на нас. А то и обман скоро... В конденсаторном Наташа Полыманова индивидуальные обязательства на себя взяла. Мне кажется, это дело хорошее: больше ответственности.

Я чуть не воскликнул: «Молодец, Наташа!» А Верочка вдруг поднимается с места и говорит: — А я думаю, что их не хвалят надо, а ругать. Особенно Сухова. Вы у него, Мария Петровна, спросите, что он сегодня сделал.

Петр спрятался за спину Муси Крапивниковой и стал приглаживать ладонью рыжие вихры. А Верочка села. Инженер улыбнулась и сказала:

— Вы сами у него спросите. По комсомольски. Что же он такое сделал?

Стручкова слова встала. — Сухов сегодня опять пустил барабан на невозможную скорость, и Семён Семёныч обнаружил у него брак. И я знаю, почему Сухов это сделал. Потому, что ему понравилось быть первым: он думает, что больше всех знает и что инструкцию по скоростноймотке техосвет не для него составил.

Верочка постыдилась, оправдала на себе кружевной воротничок и другим голосом прибавила:

— И потом... нет в нашем цехе настоящей дружбы... Виктор Симагин вскоčila со своего места и воскликнула:

— Вот это ты правильно! Все засмеялись, потому что Верочка сразу смутилась и покраснела, а Виктор сперва не понял, почему смеются, а после тоже покраснел. Но он сразу сказал:

— Если бы была настоящая дружба, то у Сухова сегодня брака не было бы...

У меня весь вечер не выходило из головы то, о чём говорили на собрании. И такое было чувство противное, будто я была виноват, что Петя снова подвёл весь цех. А может, и правда я виноват? Уж я-то хорошо его натуру знаю. Надо было поговорить с ним, напомнить, что он член большого коллектива...

Я взяла и сказала Петру, что комсомольцы так, как он, поступать не должны. Ведь тот же Бортыкин, разве он за личной славой гнался, когда разрабатывал свой метод?

— Придётся сегодня на занятиях? — спросила я у Петра. Мы теперь два раза в неделю собираемся по вечерам, глубже изучаем своё дело. Ведут занятия Мария Петровна, Семён Семёныч и другие опытные мастера. А Стручкову мы избрали старостой группы. — Не знаю, — сказал он и отвернулся. — Я же индивидуалист...

На занятиях Петя всё-таки пришёл. А когда Мария Петровна сказала, что и теперешняя скорость нашей работы не предел, Петя стал слушать лекцию внимательно. Он всё время записывал что-то в блокнот и даже ни разу не взглянул на Стручкова.

...Совсем незаметно пришла на наш двор весна. В одно прекрасное утро закипало с крыши. Командант Настасья Ивановна постовала посреди двора, глядя на небо, а через некоторое время рабочие забрели на крыши и считали с них деревянными досками снег. Машини увезли этот снег прочь. А ещё через некоторое время асфальт двора запарил, словно под ним разожились костёр, и стало сухо.

Наташа прибегала в лёгком весеннем пальто и красной шапочке, захлопывая книги, которые мы с Петей читали, накручивалась на нас.

— Вы тут сидите, а на реке лёд тронулся!

Река широкая, ей тесно в крутых берегах, лёд выбегаете горбами, трещит. Мимо нас медленно проплыли пешеходные тропинки, а после — и санная дорога. Над рекой крутятся в воздухе галки, а мальчишки стаями собрались на берегу и кидают на лёд палки и камни. У Наташи заторопился глаз.

— Ух, как мне хочется покататься на льдине. — Что ж, можно, — отозвался Петя, сдвигая на затылок фуражку.

Я, конечно, их не пустила. Мы стояли на берегу, пока не замёрзла. Наташа позвала взять перчатки и сушила погреть свои руки в карманах моего пальто. Неожиданно она сообщила:

— А Верочка замуж выходит за Виктора... — Ну? — удивился Петя. — Не видишь ему... — Обратишь мы пали молча. Мы почему-то тоже не хотели разговаривать. Когда Петя, очень мрачный, ушёл немного вперёд, Наташа сказала:

— Я сама знаю, как это тяжело... когда любишь...

Потом схватила меня за руку и показала:

— Смотри, смотри, как солнце в окнах горит! Это в нашем цехе. А вон и в ваших окнах тоже...

Но я посмотрела не на окна, а на Наташу. Я как будто впервые её увидела. И мне показалось, что и она всё светится в солнечных лучах.

Заседание Президиума Академии наук СССР.

Лауреаты Сталинской премии А. М. Грицкая, В. П. Ефанов, Л. С. Котляров, К. И. Максимов, Б. Ф. Ставицкий, П. Ф. Суванов, В. В. Щербанов.
Восковская: Художественная выставка, 1951, г. Ленинград.

В час отдыха. (Новости дня).

Е. Табакова.
Всеобщая художественная выставка 1951 года.

Крылатая молодежь

На традиционный вечер встречи выпускников школы рабочей молодежи № 55 первым пришёл студент-дипломник института востоковедения Владимир Горюнов. В вестибюле его встретили особенно гостеприимно: — А-а, наш медальист! Заходи, заходи! Горюнов, торопливо раздевшись, подошёл к учителю. Директор школы Елена Макаровна Кужелева, беложурая полная женщина средних лет, представила гостя новым педагогам: — Вот он, наш первый отличник учёбы! Горюнов, высокий, статный, с плечами в козую сажен, смущался:

— Какое там отличник, Елена Макаровна: в зинкову экзаменационную сессию по одному предмету четверку получил.

— Елена Макаровна забеспокоилась:

— А у Клуева как дела?

Борис Клуев тоже окончил 55-ю среднюю школу рабочей молодежи с золотой медалью, а теперь вместе с Горюновым кончат институт востоковедения.

У него в порядке: круглый отличник! — похвалился за друга Горюнов. — А вот и он. Зарастывает, Борис! — обрадовалась Елена Макаровна, увидев Клуева. — Значит, диплом с отличием получите?

Клуев неопределённо пожал плечами, хотя видно было, что у него есть такое намерение — получить диплом с отличием.

В вестибюле, залитом ярким светом люстр, становилось всё шумнее и шумнее. Раздавались приветствия, вселёный смех, велись оживлённые разговоры.

— Милости просим пройти на третий этаж, в физический кабинет! — сказала Елена Макаровна и первая пошла вперед.

В физическом кабинете стоял длинный стол, накрытый зелёным бархатом, для президиума и студия для гостей. Большие, окрашенные под дуб, застёгиваемые шкафы с приборами, казалось, нарочно стояли для того, чтобы придать помещению непривычную торжественность.

Завла председельское место, Елена Макаровна открыла вечер.

— Мы очень счастливы видеть вас, наши дорогие питомцы, в стенах своей школы и гордимся вами от всей души! — волнуясь, начала она свою речь. — Окончить среднюю школу без отрыва от производства, тем более окончить её хорошо, — это своего рода героизм, на который способна только советская молодежь. За шесть лет своего существования наша школа выпустила четырнадцать медальстов. Получившие медали были не только отличными учащимися школы, но и отличными производственниками, что делает им особую честь. Знаниями они интересуются как практикой, люди дела, которые убеждены, что без знаний работать, расти, жить нельзя.

Когда Елена Макаровна кончила говорить, к столу с букетом живых цветов подошла вы-

сокая, стройная девушка в голубом платье и под одобрительный шум и аплодисменты подошла цыта учителям, которые сидели в президиуме.

— Вы из какого института? — крикнул кто-то из заднего ряда.

— Я уже окончила институт, — сказала девушка, но её никто не услышал.

— Слово имеет инженер-химик Мария Выдренко, — объявила Елена Макаровна.

В зале стало тихо. Слышно было, как на стене тикали часы.

— Я из первого выпуска нашей школы, а поэтому уже успела окончить институт.

Мария живо возмущалась. Так много вспоминаний сразу нахлынуло на неё! Вот, например, сидит Галина Ивановна, преподавательница химии, которая посоветовала ей поступить в институт имени Менделеева.

— Мария Выдренко работает сейчас начальником лаборатории керамики-плиточного завода имени Булгакина, — помогает девушка опомниться от смущения, подсказала Елена Макаровна.

Мария вдруг смелее рассказать о своём заводе. По пути в школу она сошла на станции метро «Ботанический сад» и долго любовалась подземным дворцом, который отливал мрамором, блестел золотой росписью. Фаясовые плитки, расписанные в различные цвета, и эту радующую глаз мозаику делала она, её завод, а поэтому дворец казался ей особенно прекрасным.

Вот взять бы и рассказать обо всём, чем пылко сердце, но удобно ли говорить, если никто ничего не спрашивает?.. С минуту постояла молча, Мария села на место, смущённая, но счастливая.

— Другая! — сказала опять Елена Макаровна. — Мы хотели бы услышать разговор о ваших думах, планах, мечтах — словом, о всём том, чем вы полны до краёв. Не стесняйтесь, мы всё поймём.

— Елена Макаровна, разрешите мне, — сказала полная, розлая девушка, подняв руку. — Слово имеет студентка Московского медицинского института Марина Михайлова, — объявила Елена Макаровна.

Марина, перекинув за спину свою заплетённую чёрную косу, заговорила о своей будущей профессии.

Истинный поэт говорит всегда страстно, а поэзия в труде медика много. Медик борется за самое дорогое на земле — за здоровье и жизнь людей.

Марина говорила так, что Анатолий Ермаков — без пяти минут геоморфолог, твёрдо уверовавший в то, что его будущая профессия лучше всех профессий на свете, — подумал, что если бы вот с таким огоньком рассказать о своей поездке в экспедицию, получилось бы ничуть не хуже.

Слова попросила студент третьего курса Института цветных металлов и золота Василий Круглов. Елена Макаровна не стала его представлять: Круглов — в школе человек известный. Учился он здесь три года — с восьмого по десятый класс, работая на заводе Ильича слесарем-лекальщиком.

Любитель конкретности, Василий Круглов так и начал свою речь:

— А я буду писать цветные металлы, в частности золото. Хорошее дело!

В зале весело засмеялись.

А Василий, точно на комсомольском собрании, развивал свою мысль дальше:

— При мировом коммунизме денег не будет, и всё золото пойдёт в дело по своему прямому назначению, то есть на отделку дворцов, на различные красивые вещи. Вот увидите!

— Точно! — сказал кто-то мощным басом и первый захохотал в залу.

К столу один за другим подходили будущие инженеры, геологи, гидрологи, метеорологи, филологи, скульпторы, артисты, музыканты, врачи, учителя. Каждый говорил о своей большой мечте и о жизни, смысле которой в радостном труде и целеустремлённой учёбе.

Диспетчер-железнодорожник Николай Туляев призывал десяткласников по окончании школы поступать в Институт стали, где он учится на первом курсе. Николай с таким пылом говорил о том, как нужна стране высококачественная сталь, что Марта Житкова, скульптор и живописец, спиртала фотографии своих скульптур и решила их пока не показывать. Но потом подумала: хорошие скульптуры тоже нужны, — и фотографии пошла по рукам.

Анатолий Ермаков вспомнил, что и у него есть одно фото — отряд геологической экспедиции. На первом плане он и его товарищ Митт, с бородами, отращёнными за семь месяцев.

Тем временем завязался спор о том, какой институт лучше всех институтов и какая профессия лучше всех профессий.

Митт слушал, слушал эти прения и, отключившись в кулак, поинд руку:

— Разрешите мне сказать:

— Все подумали, что он станет доказывать преимущественно географического факультета МГУ перед прочими факультетами, но Митт начал совсем в ином плане.

— Все наши вузы, — заявил он, — одинаково хороши, хотя бы потому, что они советские и готовят специалистов всех профессий для эпохи коммунизма.

Было уже позднее время, но гости не расходились. Группами и парами они разбрелись по светлым классам и коридорам родной школы и долго ещё говорили о том, что им предстоит сделать завтра, чтобы жизнь была ещё прекраснее.

СЕРГЕЙ МЕРГЕЛЯН

В просторной аудитории очень много солнца. Солнечные лучи падают на гладком паркетном, на раскрытых тетрадках, на большой чёрной доске. За окнами яркое южное небо. В этот мартовский день оно кажется особенно свежим и синим.

За окнами Ереван — древний город, который выглядит очень юным в парке из розового туфа, украшенный уже начинающими зелеными парками и садами.

У студентов физико-математического факультета идёт лекция. Её читает доктор математических наук Сергей Никитович Мергелян. Он сам ещё недавно был студентом и сидел вот за тем крайним столом у окна, на месте черноволосой девушки, которая так усердно пишет.

Такими же анимателными глазами глядел он тогда на своего учителя профессора Шагиняна, который сразу выделял способного студента. Он давал Мергеляну более сложные задачи, решение которых требовало не просто студенческого приложения, а метода научного исследования. Сложность подбравших профессором задач для молодого математика всё возрастала, решение его приобретало уже научную ценность. Скоро в университете о Сергее Мергеляне заговорили как о человеке, чьи научные исследования скоро станут достоянием всех математиков.

А годы шли, быстрые и шумные студенческие годы... И вот уже Сергей Мергелян, блестяще закончив университет, пишет диссертацию, которая как бы завершает результаты его студенческих работ. Это было весной 1949 года. Защита диссертации происходила в Москве, в стенах Математического института имени В. А. Стеклова Академии наук СССР.

Сергей Мергелян едва одерживал волею. Да и как оставаться спокойным, когда оценить его труд собралась семья академика и семь членов-корреспондентов Академии наук! Но то, что он излагал им, было настолько зрлым, настолько необходимым по глубине и выходящим за рамки диссертации на соискание учёной степени кандидата наук, что Учёный совет института единодушно отступил от общего правила. Двадцатилетнему юному было присвоено звание доктора физико-математических наук.

С тех пор прошло три года. За это время молодой математик проделал свои плодотворные исследования. За один только прошлый год он опубликовал 5 фундаментальных работ. Они посвящены теории приближений в комплексной области. Благодаря гениальному русскому математику прошлого века П. Л. Чебышеву эта теория стала самостоятельной ветвью современной математики.

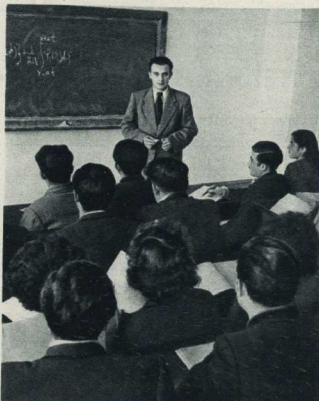
Изучая фундаментальные проблемы этой теории, Сергей Мергелян продолжил и завершил исследования многих математиков, которые занимались ею последние 50 лет. Его работа является основой для приближённого решения в области функций. Практически методы Мергеляна могут быть применены в работе больших автоматических вычислительных машин.

Сергей Мергелян умеет находить простое решение самых сложных вопросов. Демонстративно одной из основных теорем теории приближений в комплексной области, за исключением сложности построения было недоступно подчас даже узкому кругу специалистов, Мергелян предложил своё оригинальное и настолько простое доказательство, что его можно записать в учебнике для явунов.

Сергей Мергелян искрен, как и подобает комсомольцу, и эта скромность не только чер-

та его характера. Эта скромность — отличительная, типичная черта каждого советского учёного, воспитанного партией и Советским государством.

Глубокой благодарностью советской Родине, глубокой гордостью за свой народ проникнуты страницы дневника Сергея Мергеляна, члена

С. Н. Мергелян читает лекцию студентам Ереванского университета.

Фото В. Амаляня

советской делегации на Международном фестивале молодежи в 1949 году.

В Будапеште, где проходил фестиваль, он познакомился с двумя ветеранами математической науки, всемирно известными учёными Ферером и Риссом. В честь их семидесятилетия Венгерская Академия наук решила издать сборник математических трудов. Из Академии наук СССР в этот сборник были присланы две научные работы, одна из которых принадлежала Мергеляну. При встрече юбиляры много рассказывали его об успехах советских математиков.

«Ферер и Рисс, — пишет в своём дневнике Мергелян, — заговорили о необходимости быстрого использования научного и организационного опыта Советского Союза. Я поспрашивал с ними с радостным сознанием, что я и такой отрасли науки, как математика, советские люди указывают человечеству пути движения вперёд».

В 1950 году Мергелян около месяца гостил в Китае вместе с другими членами молодёжной делегации СССР.

30 апреля он записал в своём дневнике: «Вместе с М. Зыкиной — в недавнем прошлом колхозницей, мастером высоких урожаев, а ныне студенткой — мы поехали в университет Цин Хуа. В переводе на русский язык это название означает «цветущая Китай»».

«Настанет моя очередь выйти на трибуну. Я возмущусь. Я хочу рассказать обо всём: о достижениях моей великой Родины, о советской науке, о жизни, труде и учёбе советскоймоло-

дёжи. И я произищу первое слово, сразу обложившее меня с огромной пригнёткой аудиторией». Сталин.

Китайские студенты задают мне множество вопросов о роли комсомола в организации учебного процесса советских вузов, о программах русских университетов, о достижениях советской математики...

И Сергей Мергелян — воспитанник Ереванского университета, воспитанник комсомола — рассказывает китайским товарищам о себе, скромном работнике советской науки, рассказывает о том, как он стал доктором математических наук, благодаря чему, ценой чьих трудов он смог сделать интересные открытия.

В Пекине Мергелян встретился с глубоким почитаемым во всём Китае и известным всему миру литератором, учёным и борцом за дело мира, являющимся лауреатом международной Сталинской премии Го Мо-жо. Встреча произошла на прошальном вечере: прославленной армии, студентам, партийные работники, рабочие и учёные нового Китая провожали дорогих гостей в дальний путь, в Москву.

— Очень рад познакомиться с вами, коллега, — сказал Го Мо-жо, и его тонкое, молодёжное лицо осветилось мягкой и весёлой улыбкой.

Они заговорили о китайской науке. Мергелян рассказывал о достижениях китайских математиков. Го Мо-жо говорил о том, какие великие сдвиги произошли в жизни Китая. Развита каостьность науки, которая сблизилась теперь с практикой и разрешает непосредственные практические задачи экономики и культуры.

Учёные долго сидели вместе. Мимо них, смеясь и разговоривая, проходили люди, весёлая музыка доносилась из соседнего зала. Ласково шутил чуть лукавые добрые глаза. Го Мо-жо с молодым оживлением говорил о том, с каким энтузиазмом китайские учёные трудятся на благо освобождённой родины и как тесна их связь с советскими учёными...

— Мне очень нравится педагогическая работа, и я считаю её своей почётной обязанностью, — говорит Сергей Никитович Мергелян, когда его спрашивают, не отпадает ли его работа со студентами от научной деятельности.

— Раннее утро. В аудитории большое оживление. Студенты обсуждают важное и очень радостное событие.

— Слышали? — весело спрашивает веселый высокий смуглый парень в клетчатой кофке.

— А как же, — откликается ему несколько голосов, — утром по радио передавали!

— Надо похвалить, надо обязательно поздравить от имени всего курса! — вырывается девушка с длинными чёрными косами.

— Ну ладно, Асмик, это ответственное дело поручается тебе, — решают товарищи.

Звонок. В аудиторию входит высокий молодой человек в сером костюме. Он проходит к доске и излагает, обводит курсором — возмущается серыми глазами оживлённые лица студентов. Стало очень тихо.

— Сергей Никитович, разрешите от имени всего курса поздравить вас со Сталинской премией! — звонким голосом говорит Асмик. — Мы все очень гордимся, обводит она.

— Спасибо, товарищи. Это большая честь для меня, — отвечает лектор.

Сергей Никитович вздох в руки мел: — Ну, а теперь давайте заниматься.

Юхан ШМУУЛ,
лауреат Сталинской премии

ПОЛЕТЕЛ БЫ Я С СЕВЕРНЫМ ВЕТРОМ ТУДА

Полетел бы я с северным ветром туда,
Где туманы да вечный лёд. *Из старой песни.*

Чул!
Что это за шум! Он кочует вдали,
Наступает по фронту, уходит в обход;
Грохот в небе и шелест у самой земли —
Ледоход.

Вздулась Ягола. В поймы заходит река.
Полон радуг в лдыне сверкающий скол.
Можно вырубить вазу и ветвь тальника
Принести в ней к себе на стол.

В польнне, где вода и тиха и чиста,
Щука сильно взызрала, — андеть, тяжела.
Постояла. И мощным ударом хвоста
Всколыхнула травы.
Ушла.

Ой, весна!
Дни теплее, длиннее, светлей.
Звезд падауча росыль ночами густа.
Ветер юр-ева¹ месяца с талых полей,
Словно кубок мёда у рта.

Крик отставшего лебедя. Луки небесное дно
Да запахи смолкою дачного сруба венцы.
...Встретил перня и девушку. Нет, не знакомился, но
Он и я — близнецы.

Не пойму, это плещет о берег вода,
Я пою или юноша этот поёт:
«Полетел бы я с северным ветром туда,
Где туманы да вечный лёд».

Дорогая, волнует мне сердце апрель.
Не подумай, что в жизни моей ты не та.
Это давней мечты настоявшийся хмель,
Словно кубок мёда у рта.

Сторона моя мне дорога и мила.
Я на Яголе рос, но южанки душой.

Слышу: щёлкая, рвётся на юг выплела,
Громыкает якорь большая.

Вижу «Славу» у пристани. Отдан причал.
Капитан чуть взеснованно рупор берёт.
Вот последний привет он земле прокричал,
Наклонился:
— Полный аперёд!

Штурман молод, но опытен. Карта врана.
Ветер в снастях тугих и гудит и поёт.
Китобов на юг спускает страна,
В антарктический лёд.

Чем я хуже? И мне бы ходить на судах,
Драться палубу, к топкам спускаться. И мне б
На опасной работе в кочующих льдах
Зарабатывать хлеб.

Но о плаваньях я из газет узнаю.
Не меня поздравляет Большая земля,
Не читают в приказах фамально мою
На крутом борту корабля.

Не ходил я путями арктических льдов,
Не случилось и в южные выити моря,
Лишь маячил во льдах легендарный «Седов»
Со страниц буваря.

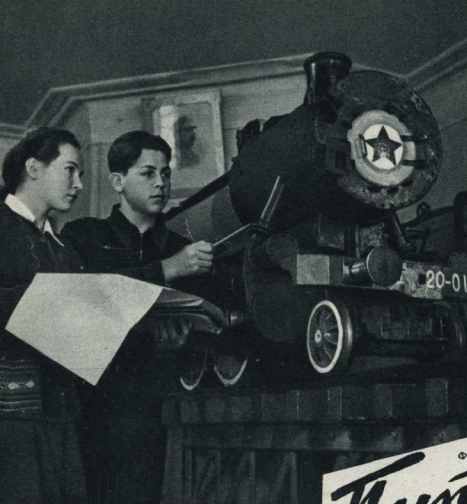
Скажут взрослые:
— Глупо об этом думать.
Улыбнутся слегка:
— Зелена молодёжь.
Всё в градусном у вас, начинающих жнь.
Соглашусь, поразмыслив.

И все ж
Жажда подвига, жажда большого труда
В голове моей славной песни живёт:
«Полетел бы я с северным ветром туда,
Где «Слава», юты и лёд».

Слишком смелая речь — не большая беда.
Собирайся в далький и трудный поход.
Пусть дорога пока пролегла не туда,
Где туманы да вечный лёд.
Тот, кто в жизни с великой мечтой не дружил,
Тот, кто смотрел в механизмы не дальше болта,
Тот, кто топком по край никогда не держал
Кубка жизни у рта,
К делу руки свои не спешил приложить,
Не спешил километры в пути навестать,
Пусть завидует нам, начинающим жнь
И мечтать!

Вольный перевод с эстонского
Юрия ГОРДИЕНКО

¹ Апрель.

Путь-дороги

Фото А. Моллецова

Учащиеся третьего курса Нина Шевалдина и Александр Макушин у учебной модели паровоза.

Александра Гурынова сдает государственный экзамен.

Старейший преподаватель техникума Александр Тимофеевич Батурин консультирует учащихся по курсовому проекту.

Учащиеся отделения водоснабжения Валентина Рыбина (слева) и Анна Сурина на занятиях в лаборатории топлива, воды и смазки.

Из окна вагона виден мчащийся навстречу поезду. На широкой груди паровоза красная звезда. В центре её барельефы Ленина и Сталина. Над звездой надпись: «Комсомольский».

Сосед по купе, железнодорожник из Пензы, прожывая взглядом состав, говорит:

— Молодец Коля, хорошо идёт!

С комсомольцем техником-лейтенантом Николаем Курбатовым мы познакомились на другой день и попросили рассказать его о своей работе.

Пока «Комсомольский» загружал углем и водой, Николай рассказал:

— На этом паровозе я работаю недавно. Когда комсомольцы Коломенского завода прислали его мне в подарок, начальник дело сказал: «Ты, Николай, комсомолец, и паровоз комсомольский! Вот тебе и работать на нём...» А вообще я езжу четвёртый год. В сорок седьмого кончила пензенский техникум. Будете в городе, зайдите туда! — отличный техникум.

Утром мы были в Пензенском техникуме

железнодорожного транспорта. Это — старейшее учебное заведение. Скоро исполнится семьдесят пять лет со дня его основания. Техникум готовят специалистов паровозного хозяйства и водоснабжения.

В паровозно-монтажной лаборатории у стены, во всю её длину, стоит паровая машина настоящего паровоза серии «ЭМ». В свободное время учащиеся размякали на свалке старые части и решили смонтировать в помещении техникума действующий агрегат паровоза.

— Кто же собирал машину? — спросили мы начальника техникума Александра Григорьевича Суегина.

— Сами учащиеся. Теперь наши ребята в лабораторных условиях могут практически изучать работу основной части паровоза.

С большим искусством построена модель паровоза, установленная в паровозном кабинете. На деревянной ферме уложены рельсы. На них стоит ярко раскрашенный маленький паровоз. Его называют здесь маленьким потому, что он в одну пятую натуральной

величины. Эта модель, созданная руками ребята, служит учебным пособием...

В этом же кабинете три молодых человека склонились над чертежом. Четвёртый, седой, с небольшой бородой и усачи, что-то объясняет студентам. Он спокойным взглядом обводит лица юношей, затем смотрит на чертеж и ещё раз спрашивает:

— Всё понятно?

— Всё, Александр Тимофеевич, — отвечает ребята.

— Хорошо. Если ещё что нужно будет, приходите.

Александр Тимофеевич Батурин работает в техникуме с 1918 года. Он автор учебника «Сопровождение материалов». Сейчас выходит из печати его другая книга, «Детали машин».

В токарном и слесарном классах шумно. На все лады жужжат станки, упорно атакуют резцы в неподатливую сталь.

Год назад в токарном классе стояло несколько старых станков. Теперь их оборудован заново. Инженер-майор Суегин обратился к бывше-

В преддверии «Водоснабжение на железнодорожном транспорте».

Лабораторные занятия по испытанию автомоторов ведёт Виктор Георгиевич Волнов.

му воспитаннику техникума, министру машиностроения и приборостроения П. И. Паршину с просьбой выделить несколько новых станков. Вскоре 12 станков, сверкающих свежей краской, заняли место в учебном классе.

Привлекательную практику студенты техникума проходят на Пензенском узле. Главное управление учебными заведениями Министерства путей сообщения вынесло благодарность преподавателям и учащимся за «систематическую помощь... пензенскому отделению дороги имени В. В. Куйбышева и внедрение передовых методов труда».

Аудитории пустеют. Учебный день кончился... Но в читальном зале много ребят. Бог трое забрались на диван и внимательно рассматривают какую-то книгу. Один из них, черноволосый, с быстрыми, живыми глазами, что-то страстно доказывает:

— Нет, Петя, это куда больше, чем ты думаешь. Ты только представь: Целинская имеет четыре турбины, а на Куйбышевской будет в пять с лишним раз больше! Энергия

хватит даже на то, чтобы нашу дорогу электрифицировать. Будут ходить электровозы, и мы, машинисты, уже не будем возиться с углем и после работы два часа отмываться.

Этот «энтузиаст» так разошёлся, что другие ребята попросили его говорить тише.

— Ты, Ваня, размечтался о чистом электровозе, а забыл, что завтра контрольная по деталям машины. Айда в библиотеку!

В библиотеке будущие машинисты тихо уселись за стол и принялись за работу. Конечно заниматься, друзья обязательно спрыснут у заведующей библиотекой, не получат ли новый журнал и какие есть новые книги. В библиотеке 23 тысячи книг, из них около 4 тысячи художественной литературы. На столе лежит папка. В ней собраны вырезки из газеты «Сталинские знамя». Все наиболее важные события в жизни техникума ощущаются в областной газете.

Из автогото зала доносятся звуки рояля: парторг Ефим Григорьевич Назаров аккомпанирует девушкам из вокального кружка.

Комсомолец Николай Курбатов, машинист комсомольско-молодёжного паровоза «Л-1000», возвратился из очередного рейса.

...В городском кинотеатре демонстрируется новый фильм. На первом же вечернем сеансе присутствуют учащиеся техникума. Пропустить новую картину нельзя, и посмотреть её можно как можно раньше.

У молодёжи техникума хватает времени и на учёбу и на отдых. Любят учащиеся и спорт. На зимней областной спартакиаде из 26 техникумов пензенской железной дороги по гимнастике занял второе место. Хорошие спортивные результаты показали отличник учёбы Александр Лисин, а также Лидия Касимова и Тамара Курева.

Первого марта закончился выпускной государственный экзамен на отделении водоснабжения. Техникум выпустил 30 молодых специалистов.

Этой весной ещё около 50 техников паровозного хозяйства и водоснабжения уйдут работать на транспорт. Широко, безгранично пути дороги у молодых советских специалистов!

А. ГОНЧАРЕНКО

Виталий добрался до центральной части порта и направился к выходу. Однако наметанный глаз его сразу уловил что-то угрожающее в обчной портовой сумятице. У выхода струилась толпа. Борты были завалены. Выход из горла можно было ещё только через маленькую служебную калитку. Но у калитки стояли японские жандармы и несколько контрразведчиков. Китайская уаина от порта до Светланской была оцеплена солдатами Командангоско. В Петурахе. Уфимские стрелки протянулись неровной цепочкой от ворот до причалов, отрезали одну часть порта от другой.

Была ли это обычная проверка документов, как это часто устроилось в порту, когда приходили пароходы с побережья, или преследователя Виталий оказался расторопнее, чем можно было предположить, — не оставалось времени думать. Виталий быстро пошёл назад. Чуть-чуть, выйдя за перелаз через забор у виадука, чтобы попасть на Светланскую? Заборы высокие. Пройдти охрякнутся. Да кроме того это значило бы привлечь к себе внимание... Не везёт ему сегодня!

Виталий подошёл к причалу пароходства. Кайзерландия, на которой заваривал погрузку «Алеут», из-за «Алеута» нельзя было рассмотреть, что за пароход стоял рядом с ним: косые форштевень, сильно накопленные матчи, скошенные, лезкие трубы, бушприт, вынесенный вперёд, узкий корпус — все три парохода Кайзерландия были похожи друг на друга, как близнецы... Ах, если бы это был «Тунгус» — у когечаров можно было бы скрыться, спрятаться на несколько часов! Мгновённо «Алеут», Виталий смог прочесть название второго судна — «Корьяк»... Опять не повезало...

В этот момент он увидел неподалёку от «Корьяка» маленькую шампуньку¹. Молодой китаец, опираясь одной ногой на борт, быстро двинул своим длинным веслом «под-вал» и лёг в эту лодку с Привою.

Виталий спустился на кратчайшую шампунку причала, чтобы не торчать на глазах у портовых, и незаметно окликнул китаца. Тот оглянулся. Виталий махнул ему рукой: «Давай сюда!» Китаец переступил и крикнул:

— Тебе что, шампуньку надо?
Виталий молча кивнул головой.
Китаец опять крикнул:

— Ты другое место ходи, там ступеньки есть. Тут голову сломаешь жомешь!

Виталий молча требовательно показал рукой: «Здесь».

Китаец пошёл свою валяную лодку к самому причалу, под прилашек. Крапцы оказались у него над головой. Было довольно высоко для пассажира. Желание заработать боролось в китаце с боязнью повредить борты своего узкого лодочка. Он начался галдеть на Виталия: не хочет ли тот подшутить — кто же с такой высоты будет прыгать в лодку? — и придерживался рукой за обшивку причала.

Как сидеть-бушешь?
Вместо ответа Виталий скользянул вниз, повис на руках и лёгко спрыгнул в шампуньку. Как ни лёгок был его прыжок, лодочка закатчалась, чернула бортом вонюче во все стороны побежала чёрная вода. Китаец, лязгая испуганным, был не рад неожиданному секунду.

— Ты мою лодку сломаешь. Я тогда что делать буду? Тебе куда надо? — спросил китаец, помолав и успокоясь.

— Куда же сейчас, в самом деле? — Виталий спеша кинул, сунул об в карман, сунул с собой пиджак, вынул из рубашки изпод брэк и подползаясь ремешком. Китаец с любопытством глядел на него. Виталий лёг на банку в позе человека, который едет на шампуньке давно и издавна...

На Малцевский базар ходи, — сказал он наконец.

1. Так русские называли китайские односеделые парусные лодки-санки, в которых их часто можно было встретить в Приморье.

Дм. МАШКИН

Малцевский

Векерсе лодочник незаметно спросил:

— Тебе на Малцевский базар обязательно надо?

— А что? — отозвался Виталий, удивлённо глядя на малца.

— Я думаю, тебе надо сегодня в другое место идти спать, а?

В какой? В другом? — спросил Виталий, чувствуя, что китаец ставит ему абсолютным.

— Наше есть такое место... Китайские люди только. Там японки не ходят, мы сами боимся ходить, никто не придёт. Ты мал-мала спи, утром куда хочешь ходи...

Виталий задумался. Это не было абушовой. И в молодом лодочнике Бонивуэ не чувствовал врага. Его появление не могло быть подстроено инком. Это чужие случайности. Осознание, что сейчас извывало ему необходимость сейчас же извывало от абсолютного и не по латам пронизательного китаца. Но всё поведение его вызвало любопытство у Виталия. Это мог быть и друг... А разве друг из виадука, который нехотя преоброт? Разве часть тактика встреч? Разве иногда не следует довериться тому странному, неустойчивому и малообъяснимому движению души, которое утверждает и openness и в малозначимом человеческом поведении? Однообразие китаца, хотя при этом и не будет сказано ничего... Стоило посмотреть на то место, куда не заглядывали ни японцы, ни контрразведчики, ни милиция, как это утверждал лодочник. На этот вечер у него не было никаких планов. Стоило быть, его отсутствие никого не встревожит.

Вечернее солнце бросило свои косы лучи на Чуркин мыс, на дома по Светланской улице — и тотчас же неслыжно изменился на глазах, сразу, неуловимо. Золотые косы Чуркина мыса окрасились в оранжевые цвета портовых огней, окрасились, покрывшись чёрными продольными тенями. Белые дома на Светланской стали яркочерными, окна их вспыхнули багровым пламенем заката. Теперь солнечные лучи шли поверх бухты, но затронули только воду, и вода опять и опять на волнах стала почти чёрными, сразу угасли яркие краски портовых и гюйсов флагов. На военных кораблях послышались звуки горно, затопали матросы по туману палубам, послышались горнячие звуки. Словом, послышалась некая реальная, невнятная перемывка рывка, отбывавшей смену вахты... Тени на воде быстро густели, потонула привычной морской сыростью из горла бухты... Савна обозначилась видные черные прибрежные строения рыва.

Виталий, не проинтерпретировавший на это время ни одного слова и не шлоухившийся, не в силах был отвести глаза от того, как освещение чудным образом меняло весь вид знакомой окрестности. Наконец он пошевелился и спросил:

— Ну, давай в «другое место» — сказал он.

Шампунька отвернула от Привоза. Минут через двадцать она оказалась у скопления шампунек и джонков. В самой гуще кочия бухты. Тутки было сквельте, сколько их находилось тут, привязанных друг к другу кормовыми и носовыми канатами, образуя один сплошной настил, или сплоток, колебавшийся, живой, то и дело меняющий свои очертания, когда мимо проходили катер, подивившийся волку. Джонки с кривыми мачтами стояли вприслон друг к другу. Между ними были переброшены лёгкие мостики. Это были большие — грузовые и рыбацкие — джонки. Ещё большие сети были подтянуты к самым флажковым мачтам или развешены на веслах, протянутых вдоль сплотка. Разногололо скрипели флажгарки, поворачивавшие от свежего морского ветра. То тут, то там виднелись маленькие мангалки, сделанные из корыстных банок. Часть этих привязанных отцов освещения отшайфованные ногами рывков плавбы, борта локво жмалх кубриков, играло на стеклянных балберах и глянцевых

Роман Дмитрия Нагишкина «Сердце Бонивуэ» посвящён событиям 1922 года, героичекой борьбе советских людей Владивостока против белофинляндцев и японских оккупантов. Главным дейцем члена политбюро областного комитета комсомола Приморья Виталия Бонивуэ и его друзей.

Дмитрий Нагишкин много лет работал над романом, дополнил его новыми эпизодами из жизни комсомольцев. Повествование в романе «Сердце Бонивуэ» выходит за пределы «Советский писатель». Ныне мы публикуем отрывок из этого романа. Книга и оригинальный белок комсомольцев, смаченных контрразведкой СССР, и вынужден спрятаться в порту.

Стоило побывать в мастерских Военного порта, если уж он вынужден убраться из района вокзала и Торгового порта.

Икоса он поглядывала на то, что делается позади. Цепи уфимских стрелков привинулись от ворот к причалу Кайзерландия. Значит, прорываётся весь порт. Вероятно же подвернулся ему этот лодочник.

Китаец, мнявя какой-то катер, подошёл ближе к причалу. Он тоже заметил шепи солдат и с абсолютством глядел, как они останавливаются пассажирам, матросам и грузчикам. Виталий скваза незаметно катеру.

— Эй, друг! На середину бухты ходи... Китаец с хитрецой поглядел на Виталия:

— Ты чего, ботиньш?

Виталий молча кивнул головой. Китаец одним рывком весла погнал шампуньку подальше от берега. Несколько минут он сосредоточено молчал, что-то обдумывая. Потом, когда Виталий перестал садить за собой и, думая, что китаец уже забыл о его просьбе, накурвился, собравшая, к кому на Малцевском можно звать, лодочник вдруг спросил:

— Карабач?

Смысл этого слова, которым на ломаном китайско-русском жаргоне обозначалась кража, сразу дошла до его сознания. Кража Бросалась Виталию в лицо, и не столько от сознания, что его могли заподозрить в краже, сколько оттого, что он очень плохо конспирировал, если случайно лодочник отчасти понял, что простой человек не садится в шампуньку, прыгая с четырёхметровой высоты, не переодевается, изменяя свою внешность и не избегает близости к берегу...

«Сколько же я наделал глупостей!» — сказал он сам себе. — Вроде всё правильно сделала: незаметно сле в лодку, выиграл время и так далее... а вот на поди! Китаец подмигнула ему:

— Я думаю, у тебя карабач нету...

— Почему же? — спросил Виталий невольно.

— Я так думаю: когда у людей карабач есть, тогда их милиция ловит. Когда ловят солдаты, у таких людей карабач нету...

Виталий отмочался.

Замолк и китаец. Поняв, что пассажиру не до разговоров, он грёб, не останавливаясь, и свалило гнал лодку равномерно движением длинного весла. Кажалось, он перестал интересоваться своим спутником... Длинными разбегами шли волны от кормы шампуньки, тёмные, урюмые.

трундах сетей, подтнутых сверху... Отошедшу ткнуло дымком и запахом пирек острый, припой. Чесночный душок нита над всей этой лодочной эскадрой, ставшей местом жительства сотен бездомных китайцев, для которых джошка была и кормилицей и кровом. Это было если не целым городом на воде, то в своем иске большой деревней, которая возникала на ночь, а с рассветом исчезала бесследно, оставляя на память о себе лишь обрывки бумажек на воде, пучки соломы...

— Наши тут живут, — сказала Лодочник. Он подчала к большой джошке. Шампула глухо стукнулась о борт. С палубы посыпалась непромытый оклик. Лодочник ответил также запологало каким-то успокоительным замечанием и полез навстр. Кивком головы пригласив Виталия с собой. Они вскарабкались на палубу джошки, где было довольно много

— Ну, селись, чифанить будем мало-мало. Только ложке нету... Ты палочкой кушать могу-не могу? — Он протянул Виталию куайцзы — палочки для еды.

Китайцы так по-свойски приняла Виталия в крут, что отказ от еды выглядела бы неуважением и оскорбительным. Виталий поздоровался, на что ему ответили молчаливыми кивками голоа, и усеяла на освободженное для него место. Он вырос на Дальнем Востоке, с китайцами не раз приходилось сталкиваться и прежде, многие из их обычаев были Виталию хорошо известны, умел он управляться и с палочками. Он принялся за лапшу, ловко подхватывая длинные горячие её нити и отправляя их в рот. Лодочник, привезший Виталия, одобрительно покосился на него.

— Хень хао! Хорошо! — проговорила он. Ужин продолжался в молчании.

пошла за грязную занавеску, отделявшую часть нар от остального пространства. Лодочник сказал Виталию:

— Ты где хочешь спать: тут или наверху?

— Пойдём навстр. — сказала Виталий. Душно и жарко было в кубрике.

Они вышли.

На палубе везде виднелись тела людей, разбросавшихся во сне как полова. Отошедшу доносились хрип, сонное сопение, бормотание... Ужаса сел на борт джошки, Лодочник рядом с ним.

— Хочешь курить? — спросила он Виталия.

— Нет, не хочу!
Виталия очень интересовала этот молодой китаец, так по-дружески просто предлаживший ему помощь, а особенно то, что он сразу угадал, хотя и не говорил об этом, что Виталий относится к числу

Рисунку П. Пинкисевича

Они вскарабкались на палубу джошки, где было довольно много людей.

людей, сидевших, лежавших, куривших длинные трубки или просто дремавших. Виталий огадался вокруг. Кое-кто повернулся к нему всем телом, пристально разглядывая нового здесь человека. Лодочник сказал Виталию:

— Давай зинь ходи! — и показала на луж, ведущий в кубрик. — Там мой братка живёт... Мал-мала чифан надо, потом спать ложись.

В кубрике было тесно и душно. На низких нарах располагались целые арты, готовясь ужинать. Только перед приходом Виталия со своим спутником хозяин поставил на нары котёл с лапшой, и все потянулось к котлу со своими палочками и чашками. Высокий рыбой китаец подлил голову, всматриваясь в посетителей. Лодочник сказал по-русски: — Здравствуй! У нас сегодня гости есть!

Ему нестройно отозвалось несколько голосов. Круг раздвинулся. Хозяин, обернувшись в темноту, пошарил рукой где-то, извлек ещё одну миску и просто сказал:

Лужи сосредоточенно жевали пищу, смакуя её, наслаждаясь ею. Ели платно, истово, время от времени вытирая со лба и щеки обильный пот сгибом руки. Все они были изрядно голодны и ели так, как может быть только тот, кто весь день провёл на воздухе и работа, не разгибая спины, с утра до позднего вечера. Виталий знал, что китайцы выходят на работу очень рано, ещё затемно, едят очень сытно и плотно, но затем уже не отрываятся от работы до того, как ложатся вечером спать, и прерывают её, лишь когда перестает виднеть свои руки... Только тогда наступит время второй трапезы, и тут уже не до разговоров.

Лодочник не оставляла своих забот о Виталии. Он подложил ему ещё лапши, когда тот опорожнила свою миску, потом сполоснула её и подла чю. Виталий молча принимала всё это, понимая, что если бы паренёк не считал это нужным, то и не делала бы. Виталий был его гостем, этим объяснялось всё.

После еды все медленно разбрелась по кубрику, устранилась на ночлег. Хозяин, не задавший Виталию ни одного вопроса,

тех, кто ведёт борьбу с бейсами... Кто же этот паренёк? Виталию было ясно, что симпатичны китаица находятся на его, Виталия, стороне, что он человек, умеющий понимать. Виталий задавал китаицу незначительные вопросы, пытаясь выяснить о лодочнике всё, но не выдавая себя. Моментами ему казалось, однако, что, может быть, от этого парня и не следовало таиться, может быть, следовало открыть ему многое. Как знать, может, здесь следовало поинтересоваться рыбачьей молодёжью из китаицев, которая совсем вышла из поля зрения комсомольцев-подпольщиков? Лодочник охотно рассказал, что его зовут Пин Да-шу, что он живёт с братом-рыбаком, который в компании с несколькими другими рыбаками имеет джошку, рыбачит. Часто и маленький Пин помогает им, но ему чаще приходится работать на «ван-ван», которая тоже приносит кое-какой заработок. До поздней осени будут жить на воде, к зиме выстроят на твёрдой земле — мало ли ненужной земли вокруг! — гнилобитную фану, перезимуют, а потом опять

на море, которое было их настоящим кормильцем, которое давало и пищу и заработок. Пэн не спеша, останавливаясь, подыскивая слова, говорил ему о том, как годами организуют себя китайские рабочие по всем решительно, как годами несут одну и ту же куртку и штаны, пока они не истлевают; на теле, как экономит на пище, на свете, как работают лодки, как едят заветную в темноте, чтобы не жечь свечи или керосин, как споят они наместки и издевательства, а часто и оскорбления, потому что за них некому заступиться, как часто единственным хозяином жизни и смерти какого-нибудь несчастного человека из Мать-Земли является старшина-хозяинчик, «джангуйда», который снабжает рабочих, рыбаков, лесорубов, рогатыхников, огородников необходимыми подручными инструментами, как за подвешиваемым радничком работу половина полученного заработка идет ему. Кто-то копит деньги, но только на похороны, потому что очень важно, чтобы китаец попал на тот свет, имея вид богатого человека, снабженного всеми предметами, имитирующими жизненное благополучие, так как это помогает ему в новой жизни, за гробом, быть не хуже других и жить лучше, чем жил на этой земле. «Мы такие люди, — работаем, чтобы поминать!» — сказал Пэн, и в словах его Виталий почувствовал горечь не по возрасту.

Видно было, что очень многое накоплено на сердце Пэна, если так долго и откровенно рассказывал он Виталию. Но чем жил он, на что надеялся?..

— Наша тоже революция была, такой доктор Сун был, ты знаешь?

— Знаю, как не знать! — сказала Виталий. — Ленин — друг ему.

— Ага, русские знают, какой это человек Сун. А китайские люди ещё мало знают. Он говорил, надо сделать мужику отдачу. Рыбак, гудолец, всякий другой человек — надо вместе жить, джангуйда не надо, голову сломать ему надо!

— Ого! — сказала Виталий обрадованно. — Ты откуда всё это знаешь, а? Правильно, наши вот так тоже делают: джангуйда голову сломали, сами живут, как хотят. Ничего, Пэн, — положил Виталий руку на плечо лодочника. — Мало-мало мамини, походи, походи Китай тоже, как наша Россия, сделает...

— Я так тоже думаю!

Пэн вдруг насторожился, легонько поднял руку. Виталий замолк. По колебав-

щемуся плечу лодок, легко перепрыгивая встречные препятствия и по-кошачьи ориентируясь в этой сумятице лодок, вёсел, джонгов, утвари и распростёртых на палубе тла шёл крупный, плотный человек. Видимо, он был здесь своим, потому что на его вполголоса сказанное «Лайла», которое он произносил как-то необычно бодро и весело, отозвучало слышавшие: «Лай-ла», «Лайла, хол!» Пэн встал.

— Это наш человек. Он тебе поможет в свою фангу идти...

Лодочник подошёл к борту джонки и помог пришедшему взобраться на палубу. Он что-то коротко и тихо сказал. Пришедший стал его расспрашивать. Пэн отвечал быстро, извольновано. Потом подошёл к Виталию вместе с пришедшим, и тот, вглядываясь в лицо юноши, сказал приветливо, но осторожно:

— Здравствуйте!

Это был китаец, высокий, плотный, в длинном халате. Какое-то знакомое впечатление посматривал Виталию в этом человеке. Он тоже стал пристально вглядываться в незнакомца и вдруг воскликнул: — Ли! Здравствуй, Ли!

Это и в самом деле оказался Ли Чжан-сней. Он с интересом стал расспрашивать Виталия, как тот оказался на джонке. Виталий, уместившись, ответил:

— Да тебе Пэн только что докладывал. — А ты почему так думаешь? — спросил Ли.

— Не маленький, дотряпываешь! Пэн, услышавший восклицание Виталия, облабоченно вздохнул: всё, значит, хорошо!

— Пэн знает только то, что было, как он тебя увидел, — сказала Ли. — А что было до этого?

Виталий рассказал. Ли нахмурился:

— Да. Не очень хорошо. Значит, разведка только знает, что ты находишься в городе. Надо будет сообщить дяде Коле¹. Да, кстати, надо наведаться в порт: не взял ли кто-нибудь из наших... Ну пойдём, Виталий! Я только одно дело с Пэном закончу.

Ли стал что-то говорить Пэну. Тот молча кивал головой. Когда Ли закончил, он потрепал Пэна по плечу и по-русски сказал:

— Понял?

¹ Ли Чжан-сней — подпольщик, участвовавший в освобождении Комсомольска.

² Елица руководители подпольного комитета РКП(б).

— Понял! — ответил Пэн и, горлопано попрощавшись, пошёл в свою лодочку.

Тихонько скригнула выходящее вёсел. Чуть слышно запялась вода. Чернотенью скользящая шамшуйка. Пэн махнул рукой, и лодка его почти тотчас же пропала в чернильной темноте, покрывшей бухту спящим, непрозрачным покровом.

— Куда это он? — спросил Виталий Ли.

— Дело есть одно.

Расспрашивать не следовало. Виталий сразу понял это.

— Помогайте? — спросил он Ли о Пэне. Значит, у дяди Коля и тут рука? Ли усмехнулся.

— А ты думал, большевиков не истребует судья этих товарищей? — он кивнул в сторону джонков, края которых терлись в темноте. — Здесь, Виталий, много взрывчатого материала, много таких людей, которые хотят жить по-человечески. Знаешь, сколько тут людей, у которых китайские феодалы отняли всё, что можно от человека, сколько тут людей, которые не могут вникнуть на родину, так как сразу попадают под топор палача! Сколько тут драм, душевных страданий... сколько невинности в наших общинах врагам!

Виталий спросил:

— Это твой участок, Ли?

И замолк, поняв неуместность вопроса, вспоминая свои мысли по поводу того, чтобы попытаться начать тут работу среди молодёжи. Да, у дяди Коля много забот, но само его внимание не прошло даже эти бездомные, абишные крива люди, среди которых семена, брошенные дядей Коле², давали такие всходы, как Пэн. А что Пэн был не один, — это ясно! Ли шёл уверенно, время от времени перекликиваясь, несколькокими словами то с одним, то с другим человеком. На вопрос Виталия он не ответил.

— Хороший паренёк, этот Пэн! — сказал Виталий.

— Да, паренёк очень хороший! Можешь судить об этом по тому, как он сразу нашёлся, повстречавшись с тобой. Я его очень люблю. Думаю, что он сумеет многое сделать...

Он вышел в город. Ли попрощался с Виталием, остановившись на тёмном углу, и сам куда-то исчез только тогда, когда Виталий сделал несколько шагов по улице...

И. ОСТРОВСКИЙ

ВЕСНОЙ

Апасты пенит
Синюю воду,
Визн, на Каховку,
Идут пароходы.

Шуткой богаты,
Дружбой богаты,
Едут на палубе верхней
Ребята.

Щёки румянятся
На ветру,
Прыжки надравны,
Буквы «РУ».

Прыжки горят,
И рубашки не смяты,
Словно на праздник,
Едут ребята,

Словно на праздник —
Также гавкают,
Гас-то вдали
Покатилась гроза.

Нет, не гроза это,
Там, над Днепром,
Ужлет взрывы,
Взрывы — не гром.

Что ж вы притихли,
Что вы вприпечали:
Годы ли детские,
Ночи ли тёмные,

Тропы ли тайные,
Пуши над плавными?
Что ж замолчали вы,
Хлопчики слывные?

Это сапёры
Срывають с дня
Всё, что тудя
Наброеала война,

Всё, что щелкается
Из темноты
Ружьями кручьными
За винты.

Голову выше —
Давай ясны,
Неодолима
Поступь весны!

Апасты пенит
Синюю воду,
Едут ребята,
На пароходах.

Латышские рыбаки.

Я. Осеиц, Восьмидесятилетняя художественная выставка 1951 года.

На строительство Швейцарского пароузда Копольский Валентина Зайцева выполняет
пропагандистскую норму на 250—300%. Она — на рекорде. Грингоу ЦИ ВЛКСМ.

Портрет работы художника Л. Шмелевского.

ЗЕМЛЯ КОРЕИ

От кустика и до зенита
её огнём заволокло.
Она изранена, изрыта.
Земле корейской тяжело.

Сжигает вражеские мины
чудесный цвет её садов.
Дымится чёрные руины
на месте сёл и городов.

Ревут заморские моторы,
а на земле огня следы...

Взрывчатка может рушить горы,
сметая дома, сжигая сады,

сеяние, город в прах развеять,
но дух народа — никогда!

Жила свободная Корея,
жизнёт и будет жить всегда!

Здесь камни бьют, кусты стреляют,
здесь смерть врагу несёт поля.
Не только люди в бой вступают —
сама земля!

ЛИ ДЖУАН

Мамышница

Рассказ

Рисунок А. Ливанова

Мальчика звали Чан Тун Гёк...

Вчера в подполье американцы разрушили дом его родителей. Разгромленные во время контринституционализма китайских добровольцев, враги в беспорядке отступили через их деревню. Большинство корейского населения бежало в горы, ища там спасения от кровавых бандитов.

Отец Чана тоже собирался бежать, но пожелал бросить каргофал и просо, рассказывая мальчику. Ведь в этом году в Северной Корее был невиданный богатый урожай! Старик за всю свою жизнь не видел подобного урожая. И так как была проведена земельная реформа, весь этот урожай принадлежал ему.

Мальчик, глотая слёзы, рассказывая, что случилось дальше. Отец попросил своего брата помочь им спрятать урожай и упаковать вещи. Вся семья была поглощена работой. Внезапно на деревню нагрянули американцы. Мальчик спрятался на картофельном поле и слышал оттуда крики женщины о помощи.

Потом, когда всё стихло, Чан Тун Гёк вылез, чтобы пойти узнать о случившемся. Но в это время послышался говор ещё каких-то незнакомых людей, и мальчик, приняв китайцев за возвращающихся врагов, в страхе укрылся в шкафу...

Больше рассказывать было не о чём, и Чан Тун Гёк, поднявшись с пола, сказал: — Отец... там, — и повёл солдат во двор. С помощью электрического фонаря он помог солдатам разыскать тело отца. Старый кореец лежал в куче сена со связанными на спине руками. Поблизости нашли и тело дяди мальчика, изуродованное до неузнаваемости.

Глаза на убитых и на бледное лицо ослеплённого ребёнка, многие солдаты смеялись слезами. У кого из них не было жён и детей? И кто из них перед лицом этого злодеяния не закуси в гнев губы?!

— Товарищи, — громко обратился к присутствующим поитрук, — вы знаете, что означает наша борьба в Корее? Мы должны отомстить за этого ребёнка, отомстить за всё горе и страдания, перенесённые корейским народом. Иначе то, что произошло здесь, в Пеннири, может случиться и на нашей земле...

Солдаты поклялись отомстить за корейский народ. Через два часа подразделение собралось в путь. Корейский мальчик, подойдя к поитруку, повторила снова и снова на ломаном китайском языке:

— Я... вы... пойдёте воевать?

Но он был совсем ещё ребёнком!

Наконец-то к мальчику, поитрук сказал ему:

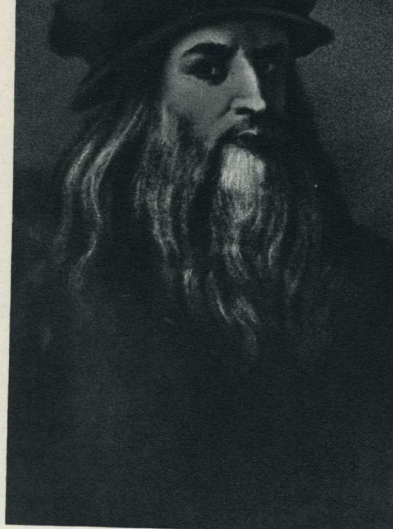
— Ты подожди здесь немного. После боя мы к тебе ещё заглянем...

Казалось, мальчик понял, всё, что ему сказал офицер. Он покчал головой и написал на листке бумаги: «Если вы сейчас меня не возьмёте с собой, я пойду в Народную армию искать своего старшего брата».

С тяжёлым сердцем распрощался солдат с мальчиком и отправился дальше. В ночь на четырнадцатое декабря юго-восточные Нагальридо это артиллерийское подразделение вступило в бой. Оно подражало сюда незаметно, когда враг, много претерпевший от бедорожья, жёсткие всеобщие нападения с тыла. На маленьком холмике, недалеко от вражеских позиций, солдаты установили свои орудия и с первых же выстрелов накрыли миномётную батарею американцев.

Снег палла на лица солдат. Но они не замечали холода и уставаости: их глаза были напряжённо устремлены на врага. Гул китайских пушек, как весенний гром, разносился до долины. А через четверть часа американские орудия были подавлены и по горам заела гора, зовущий китайцев к атаке.

Перевела с английского
И. ЗОРИНА

Леонардо да Винчи.

Решением Всемирного Совета Мира всё прогрессивное человечество призвано широко отметить 500-летие со дня рождения великого художника, учёного и изобретателя Леонардо да Винчи, чьи труды по праву вошли в сокровищницу мировой культуры. Леонардо да Винчи является одним из выдающихся творцов того мирового культурного наследия, которое, по справедливому признанию Председателя Всемирного Совета Мира профессора Жюлио-Кюри в его Обращении к народам мира, является для человечества неиссякаемым источником. Оно познакомит людьми различных эпох и народов друг друга, улавливает в настоящем связующую их нить. Оно открывает перед ними перспективы всеобщего согласия и понимания. Оно ежeminутно утверждает в них веру в человека в момент, когда более чем когда-либо необходимо взаимопонимание.

Леонардо да Винчи (1452—1519) жил во второй половине XV—начале XVI века, в те тяжёлые времена, когда над всей Европой ещё тяготело господство феодально-католических отношений, когда капитализм делал ещё только первые шаги, когда правящие классы и их верная служанка, католическая церковь, подавляли все усилия к тому, чтобы навеки сохранить своё господство.

Леонардо да Винчи родился в семье юрисконсульта в местечке Винчи, близ Флоренции. Мать его была простая крестьянка. До четырнадцати лет мальчик прожил в этом маленьком местечке, в непосредственной близости с народом и природой. Затем он был отдан в мастерскую крупного итальянского художника того времени — Андреа Верроккьо, где внимательно и тщательно изучил все виды искусства — живопись, скульптуру и архитектуру, ивкарное дело и искусство чеканки.

Уже в детские годы Леонардо страстно увлекся математикой и по приезде во Флоренцию, бывшую центром искусства и науки, сблизился с кружком знаменитого астронома, географа,

физика и математика Паоло Тосканелли, учителя Христофора Колумба.

«Чудо разносторонности», как его называли современники, Леонардо серьёзно и глубоко занимается наукой, в первую очередь математикой и механикой, а также изучает физику, астрономию, геологию, анатомию и физиологию человека и растений. Твёрдо убеждённый в том, что наука может развиваться только тогда лишь, в постоянной, тесной связи с практикой, юный Леонардо внимательно изучает труд текстильщиков-ремесленников и рабочих мануфактур, которыми славилась Флоренция, так же, как впоследствии он будет проводить многие дни в изучении работы миланских оружейников, для которых он создал токарный станок с суппортом. Здесь же, во Флоренции, Леонардо начинает свой славный путь живописца. В дальнейшем его путь проходит в беспрестанных странствиях по городам Италии в поисках возможностей для приложения своего таланта и знаний. Он живёт в Милане, Венеции, Риме, снова во Флоренции и Милане, наконец, уезжает во Францию, где в глубокой тоске по родине кончает свои дни. Леонардо пришлось полностью испить чашу страданий, выпавшую на долю талантливого мастера искусства и науки во времена господства денежного мешка и невежественного католического священника и монаха.

Леонардо да Винчи славен прежде всего как гениальный, мирового значения художник.

Уже в своей первой крупной картине, «Мадонна с цветком» (находящейся ныне в Эрмитаже, в Ленинграде), Леонардо воплотил на деле свои теоретические взгляды и искания: старый, графурный евангельский сюжет превращается под его гениальную кисть в нечто новое — выражение воступеющей молодой женщины и плачущего ребёнка. Стремление Леонардо да Винчи в своих картинах не один внешний облик людей, а максимально выразительно показывать их внутреннюю жизнь, их переживания находит уже в этой картине своё яркое выражение. Мадонны для Леонардо были не богородицами, не сверхъестественными существами, а выразительным образом и прекраснейшим, чистым земным чувством — беспредельной любви юной матери к своему первенцу. То же самое Леонардо выражает и в других картинах на эту тему — «Мадонна в гроте», «Св. Анна с Марией». Даже ангелы на этих картинах не имеют в себе ничего божественного. Это красивые земной красотой молодые люди.

Шедеврами мирового изобразительного искусства считаются две картины Леонардо да Винчи: это «Тайная вечеря» и «Джоконда». Как и многие другие картины Леонардо, «Тайная вечеря» написана на старый евангельский сюжет. Прежде в такого рода картинах и до эпохи Возрождения, но особенно к тому, чтобы потрясти верующего ужасом, тоской и скорбью перед близкой казнью «бого-человека». Леонардо подходит к этому сюжету по-своему. Для него «Тайная вечеря» — только повод показать большое количество разнообразных людей, различных между собой и по своему социальному положению и по своей манере держаться. На картине изображено тринадцать человек, каждый со своей индивидуальностью. С глубочайшим вниманием, огромной изобретательностью, явившейся результатом многочисленных наблюдений, многолетнего изучения людей со всеми их переживаниями, в различных положениях, Леонардо изображает эти тринадцать человек. Каждая из них по-своему откликнулась на сообщённую им учителем ужасную весть: «Скорю один из вас предаст меня». На картине в образах мифических апостолов изображены простые живые люди — миланские ремесленники, крестьяне, интеллигенты (книжники), живые в своих переживаниях и чувствах. Чтобы облегчить восприятие картины, Леонардо, как подлинно демократический художник, разрабатывает специальную композицию её, собирая фигуры в виде простейшей математической фигур — треугольника, легко охватываемого глазом. Изумительным мастерским расположением света и тени он ещё в большей степени усиливает реалистичность картины.

Создание подлинно реалистического полотна — творчеством этого копирования действительности, а творческого восприятия её и передачи в типическом. Художник, изучив множество явлений, должен уметь выбрать из них наиболее характерные и обобщить их. «Джоконда» Леонардо является портретом жены своего друга — Франческо Джокондо — Франчески Джокондо. Но великий мастер здесь создал обобщённый, типический образ. В нём удивительно по выразительности изображение больших внутренних переживаний, большой внутренней жизни человека, чуждого агонии.

Так Леонардо да Винчи своим гением утверждал реальное бытие человека, человека живого, действительно существующего. В своём искусстве он показывал красоту, силу, внутреннюю богатство человека — единственного создателя и владельца всех ценностей мира, — этого отношения Леонардо был подлинно народным художником.

Трудно перечислить всё созданное Леонардо да Винчи в области науки и техники. Ф. Энгельс справедливо указывал, что

да Винчи

со дня рождения

«Леонардо да Винчи был не только великим художником, но и великим математиком, механиком и инженером, которому обязаны важными открытиями самые разнообразные отрасли физики» (Соч. т. XIV, стр. 476). Размышляя над явлениями природы, Леонардо пришёл к выводу, что все явления природы находятся между собой в определённой связи и подчинены в своём развитии законам необходимости. Он первый сформулировал основные законы механики: закон трения, закон скоростей, законы гидростатики, — дал определение центров тяжести тел, вплотную подошёл к понятию статического момента и принципа возможных перемещений. Особенно привлекали Леонардо гидротехнические сооружения. Он хорошо знал, какие бедствия приносит крестьянскому хозяйству наводнения и заболачивание, и поэтому особенно тщательно разработал (и частично осуществил) грандиозный проект урегулирования течения реки По, соорудив ряд шлюзов, служивших многие десятилетия. Ему же принадлежит проект соединения Флоренции с морским берегом путём постройки канала и урегулирования течения реки Арно, что, в свою очередь, должно было дать жизнь многим тысячам гектаров земли. Даже в конце своей жизни, уже тяжело больной, Леонардо разрабатывает проект соединения рек Соны и Луары, осуществлённый после его смерти французскими инженерами. Наблюдения над полётом птиц дали ему материал для работ над созданием первого плавёра и парашюта, для разработки конструкции самолёта.

Немного, очень немного из грандиозных технических замыслов Леонардо было осуществлено им при жизни. Тогдашние правящие круги боялись всего нового, всего смелого, они предпочитали бросать огромные деньги на устройство праздников и увеселений, а не на науку или технику. Леонардо понимал

Мона Лиза Джиоконда.

Рисунки Леонардо да Винчи

Рыцарь в латах.

Голова ребёнка.

Дерево.

Знак театрального костюма.

Скачущий всадник.

это — отсюда его ненависть к богачам и к богатству. Он мечтал об обществе свободных людей — людей, находящихся радость в труде и знании. Преследуемый всю свою жизнь, видя, как его мечты и грандиозные проекты остаются в рукописях, Леонардо всё же никогда не падал духом, не отчаивался. Это был великий оптимист, твёрдо веривший в человека, в силу и мощь его разума. Горячий патриот своей родины и своего народа, он, умирая, завещал все свои рукописи — плод сорокалетних трудов — Италии, своей любимой родине.

Чествуя память Леонардо да Винчи, всё прогрессивное человечество чтит в нём великого борца за торжество науки, за победу культуры, за утверждение нового общества.

В. ДИТЯКИН,
профессор Московского ордена Ленина государственного университета имени М. В. Ломоносова

НА НОВОЙ ПУТИ

Молодой токарь-скоростной Михайл Навалич.

В новой Румынии под институты и студенческие общины отводятся лучшие здания. На снимке: студенты столичного института у своего общежития.

Десятки тысяч молодых рабочих Румынии ежегодно отдыхают в живописнейших уголках страны.

Солдаты румынской армии помогают крестьянам села Луна де Юс, Клужской области, убирать урожай.

Группа юношей и девушек разучивает румынский народный танец.

Юные ищурницы около выращенного ими дерева.

Молодью народной Румынии активно борется за выполнение пятилетнего плана своей республикой. Изучая опыт советских стахановцев и новаторов, румынские юноши и девушки успешно осваивают культуру социалистического труда.

Советские новаторы, лауреаты Сталинской премии Бортевич и Быкова, побывавшие в предпринятиях Румынской Народной Республики, познанными румынскими рабочими с достижениями стахановского движения в Советском Союзе, передали им свой опыт. Их метод системного резания металла применяется теперь почти на всех предпринятиях Румынии. Одним из первых посадователей Быкова и Бортевича в Бухаресте стал молодой рабочий завода имени Василе Розьта Михай Навалич. Творчески используя опыт советских новаторов, он успешно выполняет производственные задания более чем на двести процентов.

Недавно на одном из заводов города Сталин была создана бригада скоростного резания по методу Быкова и Бортевича. В Бухаресте и Базу танки бригады существуют давно. В них уже есть свои новаторы, имена которых известны всей стране. Молодые токари Аурелия Биолан, Матеску Марин, Лулу Комонаду славятся в республике как лучшие новаторы, внедрившие на своих предприятиях новые, более производительные методы труда.

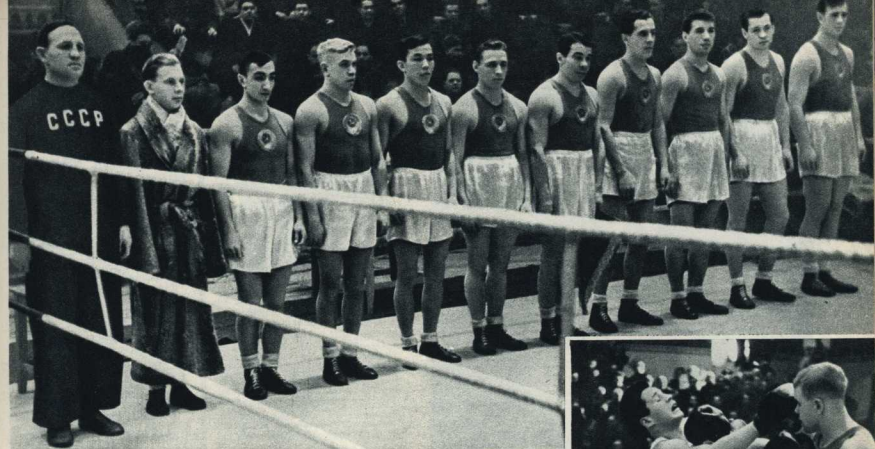
В Румынии широко распространено движение и за экономию сырья по методу Лидии Коробельниковой и за снижение себестоимости на каждой операции по методу Марины Левченко и Григория Муханова. Бригада члена Союза трудящихся молодежи портового Николае Буеуи с фабрики имени Г. Георгиу-Дека в Бухаресте, работая по примеру советских новаторов, только за несколько последних недель сэкономила стране около двух миллионов лей.

Сельская молодежь Румынии также учится у советских людей передовым методам труда. По примеру бригадира трактористов Ивана Бунеева и машиниста молотилки Николае Бредона в румынской деревне создается комплексная бригада, вводится часовой график на полях и уборочных работах. Борьба за высокие урожаи так стала делом чести каждого крестьянина. В дни уборки урожая на полях часто можно видеть и румынских солдат, помогающих хлеборобам сделать страну богатой, а народ зажиточным.

На полях коллективных хозяйств Румынии появляются все новые и новые тракторы, селхоз, комбайны и другие машины, которыми раньше Румыние крестьяне не смели и мечтать. Научные методические разработки колхозов становятся достоянием широких крестьянских масс Румынии. Еще в 1950 году в республике было создано общество сельскохозяйственных наук имени И. В. Мичурина. Образованное этого общества отвечало желанию крестьян, стремящихся познать передовую сельскохозяйственную науку. По их инициативе в деревнях, госхозах, коллектных хозяйствах, ИТС и на аспири-ментальных станциях создано более двух тысяч филиалов ищурницского научного общества и более полутора тысяч ищурницских курсов.

Передовую молодежь Румынии объединяет Союз трудящейся молодежи, в рядах которого уже насчитывается сотни тысяч юношей и девушек. По примеру ленинско-Сталинского комсомола СТИ воссоздает молодежь в духе интернационализма, в духе преданности идеям марксизма-ленинизма.

Большая работа получила молодежь народной Румынии. Для нее открыты двери всех учебных заведений, созданы многочисленные культурно-просветительные учреждения, где молодежь повышает свой идейно-политический уровень, отдыхает, развивается. Юноши и девушки новой Румынии навсегда избавились от безработицы и эксплуатации. Они живут радостно и светло в своей свободной стране, ставшей на путь социалистического строительства.

Команда советских боксёров, прошедшая состязания без единого поражения. Слева направо: Е. Огурников (тренер), А. Булаков, Р. Урманов, А. Засушкин, В. Яковлев, В. Медков, С. Цирёбанов, Б. Тшиши, В. Назаренко, А. Перов, А. Шощикас.

ЕЩЕ ОДНА ПОБЕДА СОВЕТСКИХ СПОРТСМЕНОВ

фото М. Боташева

В Москву — померяться силами, обменяться накопленным опытом — съехались сильнейшие боксёры СССР, Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Германской Демократической Республики. Среди гостей победитель олимпийских игр и чемпион Европы в первом среднем весе Л. Папп, чемпион Европы во втором полусреднем весе П. Будан (оба — Венгрия), чемпион Европы во втором полусреднем весе Э. Хилла (Польша), победители всемирных студенческих игр румынские боксёры Г. Фиат, Н. Линка и немецкий боксёр У. Нитшише.

Спортивное знамя Советского Союза защищали чемпионы СССР А. Булаков, Б. Тшиши, В. Назаренко, А. Шощикас и другие.

В течение семи дней на ринге происходили упорные бои.

Особое внимание многочисленных зрителей, все дни до отказа заполнявших московский Госкирп, неизменно привлекали выступления советских мастеров кожаной перчатка. Несмотря на то, что их противники имели большой опыт международных встреч, советские боксёры оказывались более изобретательными, более точными в ударах и более разнообразными в выборе боевых средств.

Незаурядные знания бокса продемонстрировал боксёр наилегчайшего веса А. Булаков. Во всех встречах после короткой, но очень напряжённой борьбы в начале боя индикативной позыменно заведовал советский боксёр. Булаков диктовал своему противнику дистанцию, темп, в котором должна была протекать встреча. Все бои он выиграл в хорошем стиле.

Неоспоримое превосходство над своими противниками в силе удара, быстроте и резкости показал чемпион СССР в тяжёлом весе А. Шощикас. В бурном темпе начинал он бои, которые, как правило, оканчивались его победой ранее положенного срока; противники Шощикаса или были не в состоянии продолжать поединок или, появив, что сопротивление бесполезно, отказывались от дальнейшей борьбы.

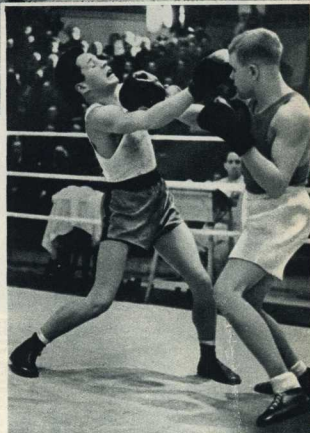
Запомнились выступления и спортсменов стран народной демократии. Так, например,

зрители высоко оценили боевые качества венгерского боксёра Л. Паппа. У Паппа сильный удар, хорошее чувство времени и дистанции. Его реакция, быстрота и резкость не раз ставили противников в затруднительное положение.

Во всех встречах советская команда одержала убедительные победы.

Советские боксёры выиграли у польских со счётом 9:1, у румынских — со счётом 10:0, у венгерских — со счётом 9:1, у болгарских — со счётом 10:0, у немецких — со счётом 9:1, у чехословацких — со счётом 9:1.

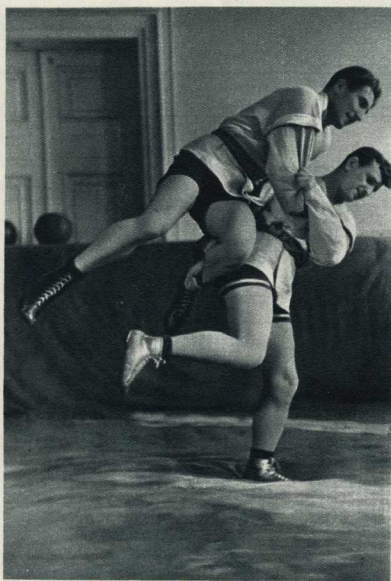
Состязания проходили в дружеской обстановке. Много полезного принесла участникам эта товарищеская встреча.

Бой боксёров полусреднего веса А. Засушкина (Советский Союз, справа) и И. Гюрева (Болгария).

Проведя бой, боксёры сами становились болельщиками. Внимательно следят за ходом поединка (слева направо) И. Беднан (Венгрия), В. Ханей (ГДР), Г. Клеяна (ГДР), П. Будан (Венгрия), А. Захаркин (Венгрия), Л. Папп (Венгрия), Л. Мюллер (ГДР).

«Бросок» через бедро. На мгновение ослабила бдительность противника заслуженного мастера спорта Э. Чумакова спортсмен 1-го разряда В. Багадзор — и вот сейчас он ринется на полу.

САМБО

В сентябрьскую ночь 1941 года группа советских воинов-разведчиков после тяжёлого боя ворвалась в Сосновку — небольшую деревеньку близ Старой Руссы.

В одном из домов обнаружили фашистов. Разведчики должны были добыть «языка», и поэтому гранаты не пошли в ход. Дом окружили, и в разбитое окно осторожно влезли, скорее юркнули, небольшая, гибкая фигура. Несколькими мгновениями стояла тишина, и вдруг изнутри послышался звон падающих ведёр, грохот ломаемой мебели, и опять всё стихло — только слышалась тяжёлое дыхание борющихся людей.

По знаку командира советские воины, держа наготове автоматы, бросились в дом и разом заселили карманные фонарики. Глазам их представлялась такая картина: возле пулемёта скорчился гитлеровец, другой — лежал около печки; ещё один, здоровенный эсэсовец с искажённым от боли лицом, изо всех сил старался осво-

бодиться от сидевшего на нём разведчика.

Так комсомолец Евгений Чумаков один справился с тремя врагами, каждый из которых на первый взгляд был куда сильнее его. Как же это произошло? Может быть, Чумакову просто-напросто встретились трусливые противники, растерявшиеся в темноте и воображении, что на них напала сразу целая рота? Нет, дело не в этом. В боевой жизни старшины Чумакова подобных эпизодов было немало. Каким же образом ему удавалось добиваться победы? Дело в том, что мастер спорта Евгений Михайлович Чумаков в совершенстве владел приёмами самбо. Что же это такое — самбо?

..Учился Женя Чумаков в 148-й московской школе, на Хорошевском шоссе. Над школой шефствовали комсомольцы завода «Авиадвиг». Одной из шифр при-Чумакова побольших эпизодов было глашисн работ в своей замечательный Дворец физкультуры, где Женя Чумаков впервые и увидел эту диковинную борьбу.

В тот вечер руководитель, видимо, демонстрировал новичкам эффективность приёма. Был он не нашего выше Женя, а между тем борцов, которые вступали с ним в единоборство, бросал на ковер с такой завидной лёгкостью и так быстро, что те буквально и глазом не успевали моргнуть. А как потом выяснилось, среди его «противников» были и опытные самбисты.

Дальше произошло нечто ещё более поразительное. Анатолию Аркадьевичу Харлампиеву (так звали руководителя) завалили глаза. Затем на него устремился рослый и очень крепкий парень. Быстро меланжу тела борцов, и присутствующие услышали, как издававший сдавленным голосом крик:

— Слазюк...

Уже много времени спустя, когда Женя кое-чему научился у Анатолия Аркадьевича, тот ему показывал этот приём.

Ну, а всё-таки, что же такое самбо? То, что показывал своим ученикам Анатолий Аркадьевич Харлампиев, как раз и есть «самошита без оружия», или «самбо», как сокращённо называли ноу, советскую систему борьбы.

У всех народов мира были свои приёмы самошита. Из поколения в поколение передавались они.

Французская борьба имеет примерно шестьдесят приёмов, американская — сто. Двести семьдесят приёмов включает японская борьба — дзю-до. Выше десяти тысяч вариантов приёмов насчитывает борьба самбо. Преимущество нашей, отечественной системы так велико потому, что в основу её положено всё многообразие национальных видов борьбы народов Советского Союза.

Грузинская борьба, чудаю, гримательная различными ловкими подложками, с помощью которых можно мгновенно сбивать противника с ног. Азербайджанские борцы мастераки владели захватами ног. В русской борьбе одинаково умело использовались теми и другими приёмами. Много лет Анатолий Аркадьевич Харлампиев путешествовал по стране. Часами неутомимый исследователь наблюдал схватки местных борцов, внимательно слушал и записывал народные сказания, читал старинные рукописи.

Харлампиев мечтал о системе борьбы, которая имела бы столько приёмов, что каждый мог по-

добрать свойственные именно ему, его особенности.

Отронуто, кропотливую работу пришлось проделать ему. На специальных карточках были описаны особенности многих тысяч приёмов — бесчисленные варианты захватов, подложек, подсеков.

Но даже если обладать самой блестящей памятью, и то невозможно запомнить более 400—500 приёмов.

Харлампиев нашёл выход из этого положения: среди бесчисленного разнообразия подложек и подсеков бросил и рылком он установил общие элементы движений и составил оригинальную таблицу, с помощью которой можно быстро находить нужный приём для заданного действия.

Самбо совершенствовалась, обогатилась.

В 1938 году в таблице было уже 5 тысяч приёмов.

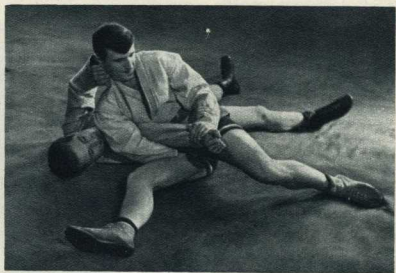
Новой борьбой стали увлекаться школьники и студенты, рабочие и колхозники. Во время Великой Отечественной войны советские воины, овладевшие приёмами самбо, оказывались непобедимыми в рукопашных схватках с врагом.

Помните, как легко справились с тремя фашистами Евгений Чумаков? Немца, который первым бросился на него, Чумаков сбил подложкой и оглушил одной ногой. Второго вражеского солдата он так переборол через себя, что тот со всего маху ступил об пол головой и потерял сознание. Последнего вояку старшина с помощью своего излюбленного приёма заставил не двигаться до тех пор, пока не полоселась помощь.

Заслуженный мастер спорта Иван Васильев прославился умением доставать вражеских языков. Не раз в боевых схватках помогал самбо на фронте и дауркратому чемпиону СССР Виктору Дашлепу, мастерам спорта Константину Хованскому, Виктору Иванову и многим другим спортсменам-воинам.

Но вернёмся к Евгению Чумакову. В 1943 году он получил второе, очень тяжёлое ранение. Осколки перебили артерию и локтевой нерв. Когда Чумакова выписали из госпитали, то, несмотря на его просьбы, ему не разрешили ехать на фронт: на правой руке пальцы едва двигались. Однако унывать комсомолец Евгений Чумаков не собирался.

— Если у меня плохо действует рука, это ещё не значит, что я не

«Захват руки» — большой приём в борьбе. Теперь противнику никуда не уйти. Попытка освободиться лишь вызовет боль.

Стихи о самом родине

могу учить других науке побеждать в рукопашной схватке... — сказал он на комиссии, где решалась его судьба.

И вот в занасом полку старшина Чумаков был сданы спортивные секции рукопашного боя, бокса и борьбы самбо. Он учил других, но еще больше учился сам. Да, учился, потому что пальцы жгали, а мышцы ждали и выжидали заново осваивать даже самые примитивные двигательные навыки. Только ложась спать, расставался Евгений с черным резиновым мячиком. Литую, округлую поверхность его пальцы выедали едва заметно. Но со временем упругая резина становилась всё более податливой. Каких толку упражнений не придумывал Чумаков для своей все ещё неосторожной и непослушной руки! Наконец он почти добился своего — почти потому, что два пальца, мизинец и безымянный, так и остались безымянными...

— Ну, что же, давай попробуем, — сказал Евгений, — сказал Чумакову Анатолий Аркадьевич после радостных восклицаний и взаимных вопросов, неизбежных после долгой разлуки. Из писем Харламина Евгений не знал, что Евгений, но слезал вид, что забыл об этом.

— Молчок, дружок, — предупреждает он своих учеников, когда Чумаков пошёл переодеться. — Надо, чтобы слова обрели уверенность в своих словах.

Тихо было в зале «Динамо», когда учитель и ученик перед началом схватки обменивались последние коври традиционным рукопашным приветием.

— Сначала Харламинев являл собой «противника», но потом удержался, попробовал один приём, другой. Однако Чумаков был неуязвим. Тот же ты, брат, скромничал — со смешанным чувством удивления и радости проговорил Анатолий Аркадьевич по окончании схватки. — А...

Евгений признался, что он уже больше года усердно тренировался.

— Вот только пришлось переучиваться немного, — сказал он. — Вместо рыжка правой рукой, как прежде, перешёл на толчковое движение...

— Могу подтвердить, что «хрен смеётся не слезами» — под обидный смех пошутил Анатолий Аркадьевич, но сейчас же подхватил такте, что и прежний Чумаков похваливал бы — Харламинев взял Евгения за плечи и крепко всталку его, как бы желая убедиться, не обманул ли он...

В 1947 году Евгений Чумаков снова стал чемпионом страны. Ему присвоили звание заслуженного мастера спорта. Это большое событие в своей жизни он ознаменовал тем, что снова, в четвёртый раз, выиграл лотку «Золотой» у молодых тербов Советского Союза.

По окончании института физкультуры Евгения Чумакова оставили в аспирантуре. Как и его тренер и старший друг Анатолий Аркадьевич Харламинев, он приглашается все к тому, чтобы любительный вид спорта стал достоянием возможно большего числа советских людей. По своему кандидатской диссертации, которую скоро защитит Евгений, Михаилу Чумакову, носит название «Методы обучения приемам борьбы самбо».

Георгий АДИНОВ

Стихи о самом родине

доложа полные слова и жести слова подыгравшей войны.

Но мирно павт молоток под
оно: —
То мастер Авант, заглушая войну,
По новому намно стучит
молотком...
(Мастер Авант,
перевод А. Облендера)

«Песенная» с существовавшей в армянской поэзии традицией воспеивания красоты деревьев, Сильва Капутиян называет ориентом украинского дом, «рабочей песни» молотка, записанной на доме тект («Орнамент», перевод А. Облендера).

Не красота и величие древних рун, а красота и величие современно должны вдохновлять поэтов — таков вывод.

В первых стихах Сильвы Капутиян было много искренности и конкретности образа и умения в меткой, выхваченной из жизни детали раскрыть глубокий смысл описываемого, которые отличают от других стихов сборника «Мои родные». Первый стиховник вышел на русский язык в 1947 году. Так же, как и в сборнике «Мои родные», в «Песни о родной Армии, о её людях, о её приде» в нём были хорошие стихи о любви, но зачастую встречались в них абстрактная романтика («Мне в пути», «Скиса и человек») и восточная шестипетия, которая подчас заслоняла мысль («У меня»).

Тематически оба сборника связаны. Но значительно больше проявилось творчество во второй книге поэтессы, изменился самый стиль. В первом стиховнике «Песни о родной Армии» преобладали образы силы человеческой мысли, величие деятельности, творческое дерзание.

Речь шла о человеке вообще. Звезда, вода и огонь, пылающие выражения восхваляли его:

Поэзия Сильвы Капутиян проникнута глубокой любовью к Армии, и её природе и людям. Но Родина — это не только Армения, где родилась, и выросла поэтесса. Родина — это весь необъятный Советский Союз, это неказенные степи и Урал, Киев и Сталинград. «Могучий мой не устану гордиться», пишет поэтесса в своих стихах. Через всё творчество Сильвы Капутиян проносятся две другие народы: «Шестидецать отнюден единого отца в широкое красное пламя слепых».

Тема Родины тесно связана с темой труда. Сильва Капутиян пишет о рабочих Урала, об армянских каменщиках, об украинском колхознике, об украинском колхознике, и всегда она подчеркивает величие и красоту свободного труда, мирной доли советских тружеников (стихотворение «Дума о лавровой ветви», «Рельсы-благородный стая», «Мастер Авант», «Знамя и др.»).

Сильва Капутиян в «Мои родные», 1951, 5 000 экз. 175 стр.

Юности, неутомимому стремлению наших женщин и девушек отдать все свои силы Родине и её будущему, школьной дружбе нашей молодёжи, которая ещё больше крепла и сплывалась товарищей в дни Великой Отечественной войны, посвящена книга Евгения Герасимова «А...

Главные герои книги — школьники, молодые мужчины, люди, разные по характеру, но спаянные общим желанием: всем вместе идти «рельсы-благородный стая» на фронт, участвовать в борьбе с ненавистными фашистами.

Вот перед нами Тая — порывистая, решительная девушка, которая пришла на фронт из эвакуации и ставшая медицинской сестрой. Тая — это не только героиня, но и талантливый бойфренд, считающий, что настоящее счастье человека начинается только тогда, когда он приносит пользу и отдаёт работу всего себя, целиком. С таким полнением читаешь письма Тая своим друзьям, где она отвечает на вопросы: что такое счастье? Тая пишет, что она чувствует себя бы существом, когда отдаёт свою ширше рывшему обществу, слыша его тепло. Это мушкетёрство с пооща. Она работает в тылу у немцев под Сталинградом. Она трудится в общину, где хочет отослать в Германию, Тая бегит один из через безлюдную степь зимой, спрыгивая с пооща. Она тяжело заболевает. Но все её желанья, все пооща и надежды, и одному скорее пооща, скорее работать, скорее стать в строй!

Андрей. Он один из тех людей, которые верят в дружбу на войне.

Евгений Герасимов «Товарищи на одной школе». Военное издательство ВСГП, Москва, 1951, 173 стр.

О, труженик мирный, не спиши ты, —
Чтоб в зернале этих беспощадных
Свою красоту мы увидеть могли!
Кто Солнцу поведал, что Солнце
ты, земля Земле! — говорит поэтесса.

А вот небольшое стихотворение на сборника «Мои родные»:

Слегка согнувшись, с мешками на спине,
Кавказ-колхозник и нам садится в самолёт.
И на него смотрю, и так отравно мне:
Он в небе, над землей, над туманом плывёт.
О скачущий Знамя! Вот бы
Что хлестнувший землей, от пыли
Медлительный замес с широкой бороздой
Дерзая твоего перепадет порог!

(«В самолёте», перевод В. Тушнов)

Это стихотворение очень показательное. Оно олицетворяет стиха о человеческом дерзании, о силе мысли и величии деятельности. Хотя об этом прямо и не говорится, и тучи, над которыми плывёт колхозник, не образуются к нему с торжественной речью. Но кроме этого и правде всего это стих о новой жизни советского человека, в них есть подлинный пафос трудового дня.

Достигается это не повиршенным изображением происходящих в наши дни событий, а проинформированием в самую суть их, умение создать возмущающий поэтический образ, раскрыть глубокую и важную мысль. Сильва Капутиян описывает изображение советского человека и заключается основное достоинство книги Сильвы Капутиян «Мои родные», отмеченной Сталинской премией за 1951 год.

С. ГРИГОРЯН

Молодые паритеты

Узнаешь и веришь ей до конца, отлекая в стократу все случайное, млетное. Андрей мечтает завоевать плечом и плечу со своим отцом, комиссаром партизанской части, а вместо этого ему приходится работать в автомобильных мастерских в Москве и «зачинивать тайны». И автор хорошо показывает, как Андрей, но человек не чувствует, что в тылу тоже кому-то нужно работать. Но в конце книги он понимает, что он должен отец увидеть его и себе в партизанский отряд, где Андрей участвует в боях с фашистами против ронцев.

В книге меньше самопоказничества и интереснее является и образ Шуры. Умный, серьёзный юноша, он увлекает в дружбу с собой в педагогическом институте, в который хочет поступить.

В книге не судено осуществиться: поднимая брови в атаку, он погибает, исполнив свой долг перед Родной. Страницы, посвященные Шуру, один из лучших в книге.

Но, и сожалеваю, автор не в одной-единственной мере улился в его книгу.

Лия — герой, от лица которого идёт повествование, — получил своё название от фамилии, которую невольно раскрывает, стучащий.

Лия — героиня, от лица которого идёт повествование, — получил своё название от фамилии, которую невольно раскрывает, стучащий.

ЕВГЕНИЯ ГЕРАСИМОВА
«ТОВАРИЩИ НА ОДНОЙ ШКОЛЕ»

ров был более полным, если бы Е. Герасимов показал или поведал жизнь в семье, где они росли, учились и учили.

Несмотря на все эти недостатки, книга оставляет хорошее, цельное впечатление.

Автору удалось передать то, что такое чувство единства в советском коллективе, которое ещё больше крепнет у наших людей в дни испытаний. Тая после боя писала с фронта своим друзьям-однокашникам:

«Рыные у меня всё было отдало — наш класс, наша школа, Москва, Дальний Восток, а теперь всё соединилось в одно, так что теперь уже ничего крепить не надо: отдельно; подумайте о нашем классе, нашей школе — и тут же выключите мысли и Москва, всему Советскому Союзу, Сталину».

Читатели с интересом прочитают эту хорошую и интересную книгу.

Ю. БОНДАРЕВ

Летят перелетные птицы...

«Юными весиными лучами,
С опрестых гор уюе снега
Сбежали кутящие учальцы
На потопленные дуга».

А. С. Пушкин.

Пол солнцем забутовалась река. От берега оторвались и тронулись в дальнее плавание льдины — хрустальные плиты. Лыды и воде тесно в берегах. Далекие островки раскаты разошлись по поюие блистающие озерам; там, под сенью ранит, немощушко поклоны вода тихий гавани.

Еще неустанно мелькают быстротельные чайки. Бесподобен их сверляющий помет. Вот одна извергается из воды, пикирует, льнет клокоч к воде и отпрыгивает вверх с рыбной. «Где чайка, там и весиная рыба» — замечают рыбаки.

Голубой простор чистого неба опростулся в широкий разлит. Тихие, полой, потрунует вездеход, прельсть лазури. Цветистые разлики с утками красуются на отвисающем «брачном пером», прельст над рывками выстрели. Апрель — «медовый месяц» озерной весны.

Есть что-то радостно-волнующее в млечностенном зрелище ледохода. Чисто, хрустливо, прельст очарования ранней весны севера.

Живая невесомо и невесомо это трогательное явление северной природы — реис льда. Волье крутиль, берегов, плывут зарывавши льды, «беследно сныраются с глаз эти ослоты зны».

Лед на берегах лесных рек севера отбывает и подготавливает водой свавольные мнимоплоты. После льда — полный водосое погонит плоты к устью, до весиной русской реки, и плывут по матушке по Волге» — лаванная лес — старательное дело рук патриотов-лесорубов — придет как по дороге весны, везет катанье коммунизма, в Куйбышев, Сталинград.

Лед и плоты мчатся с весиными волнами вниз по течению, в ни наивысшую точку своего прыжка. Против воды Волги, вверху плывут осыры, северяги и белки: пора истребить их, северяги и белки: пора истребить их, северяги и белки: пора истребить их.

Фото И. Пагина.

А востро в весию воздухе, юнее настроят Восток, летят перелетные птицы. С древних времен птицы со всех концов света весию селяются на родимые гниада. С высоты птичьего полета замыслили летичим стая вандит на Англию — Норвегию, на Норвегию — Белое море. Непослушны точно, как по дорожкам столбам, возвращаются перелетные путешественники без карт, без компаса, без часов, без пеленга, без радио и всегда поспевают в свой срок. Маленький красавец — кулик-белоглазый — перелетает 15 тысяч километров из Америки в Архангельск.

А в тиши лесных чащ лаются плоти деревьев, шевелится прельстий лист, слышно, как растет трава, видно, как пробиваются первые зеленые устиночлони травы. Подростают в первом калете желтые бабочки-лимончики и садятся на подвеснички.

В ровном сумраке после заката с хороняем и измянем тинут вальдшнепы — единственные ухот.

СМЕНА В камере:

В. Орджоникидзе — Рауд Гаматов.
Евгений Евтушенко — Лени Васькин.
В. Едяхин — В родном городе Ильяч.
Дмитрий Смирнов — Я комсомолец.
Григорий Иванов — В горнишке посылки.
Фалатов — Земля Кубань.
Р. Недосекин — В начале весны.
Михаил Мусенин — Крылатая молодость.
Седа Владимиров — Сергей Моргуля.
Юван Шмугул — Полетел бы с северным ветром туда.
Путь-дорога. Фотохрей. Текст А. Юмчаренки фото А. Мокоядова.
Нагишкин — Маленький Паша.
И. Островский — Весной.
Сергей Тельяков — Земля Корея.
И. Агулар — Пляжи шмещия.
В. Дигини — Леонардо да Винчи.
Из новых путей.
Еще одна победа советских спортсменов.
Гораций А. Янников — Самбо.
С. Григорян — Стихи о самом родном.
Ю. Владимиров — Молодые патриоты.

На первой странице обложки: строительство Главного Турменского канала. Учащиеся гидротехнической Т. Ходяева и А. Акмулатов на практических занятиях. Фото С. Фриляндера.

На четвертой странице обложки: Магнитогорский металлургический комбинат имени Сталина. Бригада лауреата Сталинской премии сталовари Н. Семёнова. Фото В. Туркеева.

Оформление номера В. Урина

1	2	3	4	5	6
7	8	9	10	11	12

13	14	15	16	17	18	19
20	21	22	23	24	25	26

27	28	29	30	31	32	33	34	35	36
37	38	39	40	41	42	43	44	45	46
47	48	49	50	51	52	53	54	55	56
57	58	59	60	61	62	63	64	65	66

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

- По вертикали:
- Снег.
 - Роман.
 - Мороз.
 - Ранет.
 - Риско.
 - Крылья.
 - Салфид.
 - Нефаль.
 - Лыта.
 - Синтез.
 - Ридин.
 - Литер.
 - Синтез.
 - Статуя.
 - Синтез.
 - Терек.
- По горизонтали:
- Гонимый.
 - Парус.
 - Павлов.
 - Скиталец.
 - Сторож.
 - Павлов.
 - Отруби.
 - Кольца.
 - Огнетла.
 - Канада.
 - Косил.
 - Тенор.
 - Ринг.
 - Демма.
 - Торпеда.

Составили Р. Рамазанов и М. Шахназаров (Давгастанская АССР)

- По горизонтали:
- Ударный музыкальный инструмент.
 - Вращающаяся часть в автомобильных и турбинных двигателях.
 - Беттер пури.
 - Помещение на корабле.
 - Остров в Среднем море.
 - Участок изданий.
 - Ряд ламп, приспособленных для освещения у сцены.
 - Положение, утверждение, которое следует доказать.
 - Серия (мелкий) колледж.
 - Старинная золотая монетная единица Персидского империи.
 - И. Н. Чайковский.
 - «Нерепантин».
 - Вулканический продукт.
 - Левый приток реки.
 - Зачин, начало, основа, стержень.
 - Спортивный или промышленное заведение.
 - Указ, распоряжение, указание.
 - Задняя часть судна.
 - Немощное плоскострое.
 - Цветок.
 - Город в Эстонии ССР.
 - Вид года.
 - Расход.
 - Животное породы лошадей.
 - Временное распоряжение, строение.
 - Учебное заведение.
 - Падение.
 - Звезда.
 - Плодовое дерево.
 - Вид дивана.
 - Детство или юность.
 - Осветительный прибор.
 - Сильный порыв ветра.
- По вертикали:
- Бег по пересеченной местности.
 - Печать с названием учреждения.
 - Выдающийся немецкий философ.
 - Имя дочери князя Мавра Чудры в одноименном рассказе М. Горького.
 - Бажия духоточное воображаемое осязание.
 - Начальное название.
 - Буква греческого алфавита.
 - Ветночеловек.
 - Имя А. С. Пушкина.
 - Типографский термин.
 - Хитрая рыба.
 - Музыкальный термин.
 - Наводнение.
 - Опера Русского-Корсакова.
 - Государство в Азии.
 - Материал с пильковой основой.
 - Значит прекращение.
 - Музыкальный инструмент.
 - Сорт кирпича.
 - Совокупность материалов, перерабатываемых в металлургическом производстве.
 - Книжный ярлык.
 - Мера веса.
 - Краска.
 - Другое название.
 - Персонаж повести А. С. Пушкина.
 - Великий английский композитор.
 - Вид животного.
 - Подползавшее животное.
 - Род палатки.
 - Норвежский остров.
 - Бражение или описание в общих чертах.
 - Сорт.

Ответственный редактор — А. Баранов.
Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24.
Тираж 120 000.

Редакция: В. Ажав, Г. Гуля, Е. Долматовский, Н. Жуков, О. Кожухова, М. Луконин, А. Никонен.
Адрес: Москва, 47, ул. «Правды», 24.
Подписано в печать 13/IV 1952 г.
Знамя №190.
Формат бумаги 70x108/4, 1,37 бум. л. — 4,80 печ. л.
Тираж 120 000.

КРОВНОЕ РОДСТВО

В своих чудовищных преступлениях против человечества американские банды превосходят гитлеровских фашистов и японских империалистов.
(Из газет.)

— Оказывается, мистер Риджуэй, нас считают военными преступниками за то, что мы вели американский образ жизни...

Цена номера 2 руб.

